

ИГОРЬ ГРАДОВ

ГРУСТНАЯ
ИСТОРИЯ
ВАСИ
СОБАКИНА

Игорь Градов

Грустная история Васи Собакина

«Автор»

2014

Градов И.

Грустная история Васи Собакина / И. Градов — «Автор», 2014

Жил-был хороший человек по имени Вася Собакин. И было у него все. Или почти все – любимая жена Ленуля, двое детей, верный друг Славка, хорошая работа и даже преданный пес Бобик... Но не было главного – счастья. Начальник на работе – сволочь, его секретарша – стерва, коллеги – тупые и завистливые уроды (за редким исключением, конечно). Жена... Но о ней лучше не будем. Она, конечно, женщина хорошая, умная и даже любит нашего Васю (по-своему, разумеется), но вот понятие счастья у нее резко отличается от того, что представляет себе наш герой... В общем, куда ни посмотри, везде сплошь мрак и ужас. И была у Васи одна отдушина в его мрачной жизни – книжку хорошую почитать. И как-то попалась ему отличная книжка, да непростая, а про эльфа Альмира... Очень занимательная оказалась, и главное – полезная. Такая, что ее чтение привело к совершенно непредсказуемым результатам. В общем, все в жизни Васи Собакина переменялось, но к лучшему. А это самое главное. Ведь если ничего в жизни не меняется, то это уже не жизнь, а застой и деградация. А оно нам надо?

© Градов И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Градов

Грустная история Васи Собакина

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава первая

Если тебя вызывает начальство, это почти всегда к неприятностям. Проверено на себе, причем многократно. Вот и сегодня, едва я уселся за рабочий стол и включил монитор, как позвонила Людочка, секретарша шефа:

- Собачкин, тебя к Пал Палычу!
- Собакин, – привычно поправил я
- Неважно, – фыркнула Людочка, – шеф ждет.
- Иду.

Моя фамилия Собакин, и происходит она от древнего боярского рода. В кремле даже одну из башен раньше так и называли – Собакина. Вот жил бы я лет триста-четыреста назад, были бы мне почет и уважение с такой знатной фамилией! А что, неплохо звучит: боярин Василий Иванович Собакин. А то каждый перековеркать норовит...

Я вздохнул, оторвал взгляд от монитора и поплелся в приемную шефа. Людочка, как обычно, полировала ноготочки. При виде меня она скривила мордашку и махнула рукой в сторону двери – туда!

Пал Палыч, развалившись, сидел за огромным полированным столом. Вот что удивительно: чем меньше шеф ростом, тем больший по размеру стол он себе заказывает. Компенсация за физическую неполноценность? Как тут не вспомнить старика Фрейда с его бессмертным учением о либидо!

Пал Палыч роста небольшого, но любит прямо-таки огромные вещи: стол во весь кабинет, джип размером с танк, секретаршу с ногами от шеи... По возрасту он лишь немногим старше меня, но строго требует, чтобы его именовали не иначе, как по имени-отчеству. Никаких тебе Павел, Павлик и уж тем более Павлуша.

Шеф оторвался на секунду от бумаг и указал рукой на стул. Я скромно пристроился на самом краешке.

- Слушай, Собаков... – начал он.
- Собакин, – поправил я.
- Да, Собакин. Что у тебя с эскизом для «Куриных грудок»?
- Делаю.
- Ну и?
- Срок сдачи – пятница, а сегодня только среда...

– Спасибо, что напомнил, какой сегодня день недели, – поджал губы шеф, – а то я без тебя не знаю. В общем, так: мне звонил заказчик, просил, чтобы эскизы были готовы завтра к утру. Потому ты все бросай и немедленно заканчивай работу. Чтоб завтра в десять у меня на столе лежал готовый проект! Ясно?

Я пожал плечами – чего уж тут неясного. Придется мне сегодня опять до ночи сидеть, рисовать и раскрашивать. Слово начальника – закон. По крайней мере, в нашей конторе.

Я вышел из кабинета и направился на рабочее место. По дороге заглянул в курилку – успокоить нервы и собраться с мыслями. Только вынул сигаретку, как ко мне подрулил друг Славка.

- Дай закурить!
- Свои надо иметь, – привычно заметил я.
- Да ладно, не жмоться, потом сочтемся! – так же привычно ответил он.

Я протянул пачку, Славка вытащил сигарету и жадно затянулся. Он у нас такой – вечно без курева, зато с помятым лицом и трехдневной щетиной. Ужасно талантливый, но столь же безалаберный. Никогда не сдает проекты вовремя, за что регулярно получает пипюлей от начальства. Не увольняют его по одной простой причине – его эскизы считаются лучшими в

нашей фирме. И даже грозный гендиректор, Семен Петрович, редко кому благоволящий, и тот снисходительно улыбается, когда рассматривает его творения: «Ничего, вроде бы неплохо, а? Как вы считаете?» И все, в том числе и Пал Палыч, дружно кивают.

У Славки две слабости – женщины и выпивка. И той, и другой он предается регулярно, а потому денег у него практически никогда нет. Как он умудряется при такой активной половой жизни еще и работать – уму непостижимо. Впрочем, это его проблемы.

– Что, опять от шефа получил? – сочувственно поинтересовался Славка.

– Да нет, он дал всего лишь ценное указание – закончить проект сегодня вечером. Заказчик, видишь ли, хочет уже завтра получить свою красоту ненаглядную.

– А он хочет получить деньги... – закончил Славка. – Понятно. Я слышал, шеф опять на курорт собирается, и с новой любовницей, вот деньги ему и понадобились. Без бабок он баб не привлекает, – рассмеялся Славка своей любимой шутке.

У нашего шефа, надо сказать, тоже есть одна слабость – женщины, точнее, молоденькие девушки. Но, в отличие от Славки, у него с ними большие проблемы. То ли из-за роста, то ли еще из-за чего, но женский пол к нему довольно равнодушен, вот и приходится Пал Палычу покупать любовь.

– А Людочка? – поинтересовался я.

– На кой ляд она ему сдалась? От этой фифы только одна головная боль – хочу того, хочу сего. Нет, ему бы что попроще и подоступней. Да и помоложе, без особых претензий. Желательно – бюджетный вариант, а то вообще без бабла останется. Кто с ним тогда трахаться будет? Задарма желающих нема!

– А ты с ней пробовал, с Людочкой? – решил уточнить я.

– Пробовал, – скривился Славка, – гонору много, а в постели – рыба рыбой. Вспотел весь, пока раскочегарил как следует. Нет, больше не хочу!

Славка, кстати, любит девушек исключительно красивых, а обходятся они ему недешево, вот и стреляет рубли от зарплаты до зарплаты.

– Ладно, пойду поработаю, а то никогда не кончу, – сказал я, бросая в урну бычок.

– Давай, кончай, – кивнул Славка, – только помни: главное, чтобы в тебя не кончили!

И опять заржал. Похабник он все-таки, хоть и беззлбный.

* * *

За столом я первым делом набрал номер своей любимой супруги – Ленули.

– Лапочка, я сегодня немного задержусь, – начал я, – понимаешь, работа срочная...

– Собакин...

Жена обычно обращается ко мне по фамилии – даже дома. Несмотря на почти двадцать совместно прожитых лет и двоих почти взрослых детей, она почему-то считает меня недоумком, за которым надо постоянно присматривать – как бы чего не вышло. Отсюда и официальное обращение – как у классной дамы к провинившейся институтке.

Мою фамилию, кстати, супруга после свадьбы так и не взяла – осталась Пчелкиной. И постоянно напоминает, что Пчелкина – приличная фамилия для симпатичной девушки двадцати пяти (на самом деле – почти сорока) лет, а вот Собакина – что-то неприличное и уж точно ей никак не подходящее.

– ...Собакин, ты когда в последний раз смотрелся в зеркало? – спросила супруга.

– Сегодня утром, когда брился. А что?

– А то, что вместо своей физиономии ты должен был увидеть морду осла. Сколько раз тебе можно повторять – ты не обязан сидеть на работе до ночи. Если у тебя сверхурочные – пусть платят. А задарма работают одни лишь ослы. Впрочем, я не права – они работают за морковку, а вот ты за какие шиши пашешь?

– Ну, у меня срочный заказ, – промямлил я.

– Не у тебя, – отрезала супруга, – а у фирмы. Не отождествляй себя с конторой. Твоему шефу хочется как можно быстрее срубить бабки и переместить их за границу, чтобы потом жить до самой смерти счастливо и спокойно, а ты за него корячишься по двадцать четыре часа в сутки. Иди к своему Пал Палычу и заяви: «Пока не заплатите за сверхурочные, работать не буду!» Пусть раскошеляется!

– Он деньги на другое тратит, не на будущую пенсию... – встрял я в монолог любимой жены.

– Фиолетово! Иди и требуй!

– А если уволят?

– Во-первых, не уволят, потому что такого безропотного идиота, как ты, еще поискать надо, а во-вторых, если уволят, тем лучше. Я тебе давно говорила: вали с этого места! Сама устрою тебя на работу – будет и ближе, и зарплата приличнее.

– Знаю, дизайнером в твою фирму, туалетные комнаты клиентам оформлять... – скривился я.

– Ну и что? – возмутилась благоверная. – Туалеты, знаешь ли, тоже нужная вещь! Даже очень! В некотором смысле они даже важнее, чем прочие вещи в доме. Попробуй-ка прожить без туалета хотя бы пару дней, я на тебя посмотрю! А без второй спальни или третьей ванной вполне можно обойтись. Так что иди к своему шефу и требуй доплаты, иначе домой не возвращайся!

На этом жена закончила. Хорошо ей говорить – найду тебе другое место! Она сама штук десять работ уже сменила – кем только не была! И риэлтором, и менеджером, и сетевым продавцом, и еще кем-то, и везде сумела сделать карьеру, да и денег получала не в пример больше, чем я. На ее зарплату, собственно, мы и живем (мне, как вы поняли, платят гроши). Характер у моей любимой беспокойный, не любит подолгу задерживаться на одном месте. Новые впечатления ей подавай, новый коллектив!

А я вот домосед – как попал пятнадцать лет назад в эту контору, так и сижу. Привык уже, сросся со своим стулом, прикипел к любимому столу... К тому же мне служба нравится – делаю рекламные проекты. Работа не пыльная, творческая, требует выдумки и мастерства. А что платят мало... Так я к этому привык.

Собственно, мне много и не надо – и в еде, и в питье я весьма умерен: джинсы ношу по пять лет, свитера – и того больше. Пороков (как явных, так и тайных) у меня нет – не пью, почти не курю, посторонними женщинами не интересуюсь. Единственная моя страсть – чтение: люблю приключенческие романы всех видов и жанров, глотаю их, как горячие пирожки, по несколько штук в месяц. Конечно, книги сейчас недешевы, и их покупка пробивает серьезную брешь в нашем семейном бюджете, но моя жена, кажется, с этим давно смирилась – учитывая, что у других мужчин есть куда более дорогостоящие пристрастия...

Так что в некотором плане я идеальный муж. Наверное, поэтому моя Ленуля и не разводится со мной, хотя каждый месяц, когда я приношу ей зарплату, заявляет: «Все, Собакин, терпение мое лопнуло: или ты ищешь другое место, или я с тобой развожусь!» И отлучает на несколько дней от своего тела, белого и мягкого.

Я обычно отмалчиваюсь – а что скажешь, права она! Но проходит три-четыре дня, и все возвращается на круги своя. Супружеские отношения (в том числе постельные) налаживаются, и мы опять живем душа в душу – до следующей зарплаты.

...Я посмотрел на монитор, где красовался очередной эскиз, вздохнул и принялся за работу.

* * *

В вагоне метро народа было мало – час пик давно прошел, все, кто хотел, были уже дома. Я шлепнулся на свободное сиденье и открыл книгу. У меня имелось по крайней мере двадцать минут, чтобы спокойно почитать. Вагон мягко покачивался, и я углубился в роман...

«...Я бежал по темному лесу. Мокрые ветви хлестали по лицу, но я не чувствовал боли. Скорее бы добраться до спасительной чащи, укрыться под густой сенью деревьев! Сзади раздавались крики – преследователи не отставали. Воины князя Редрика пустили по моему следу самых злобных псов и гнали меня, как осеннего зайца.

Рана на руке уже почти перестала кровоточить – подействовал лечебный эльфийский заговор, которому научила меня матушка, но и сил я потерял немало. В голове билась только одна мысль: только бы добежать до оврага, границы Запретного леса, только бы передать известие о подлости низкорожденных, устроивших коварную засаду и перебивших весь отряд! А там и помирать не страшно – за меня, без сомнения, отомстят, да так, что этим жалким людишкам, считающим себя хозяевами на нашей земле, придется очень несладко! Заплачут они кровавыми слезами, ох, заплачут...»

– Ну, чего расселся-то, – послышалось над самым моим ухом, – подвинься чуток! Не видишь что ли – женщина с тяжелыми сумками стоит.

Я поднял глаза – надо мной нависала здоровенная бабища, вся увешанная котомками. Спорить с такой тушей и что-то доказывать бесполезно – если даже рядом есть свободные места, она непременно встанет перед тобой и будет требовать, чтобы ты уступил место. Я молча подвинулся, давая тетке сесть. Та шлепнулась толстым задом на продавленное сиденье и шумно отдышалась:

– Читают тут, а женщину не видят. Умные все стали, а работать некому!

Ну, что тут скажешь? Быдло – оно быдло и есть. Главное, не обращать на него внимание. Я забился в самый угол и перевернул страницу...

«...Вот наконец и овраг, спасительная граница, отделяющая Запретный лес от нейтральной территории. Дальше начиналась наша земля – вековая земля благородных. Люди и гномы сюда даже не суются – знают, что могут получить в сердце длинную эльфийскую стрелу с тонким и острым, как жало, наконечником.

Я с ходу перескочил овраг, упал на траву и немного отдышался. Люди остановились на той стороне и начали шумно совещаться, решая, что делать дальше. Слышно было, как одни настаивают на продолжении погони, а другие, более опытные (или более умные) предлагают вернуться. Правильно, жить-то всем хочется...

Потоптавшись немного, преследователи все же повернули назад – осторожность взяла верх над охотничьим азартом. Собаки недовольно залаяли, намереваясь гнать добычу, но их взяли на короткий поводок. Вскоре все стихло – люди убрались, лишь сверху слышалось привычное пение птиц.

– Что, Альмир, испугался, небось? – услышал я над ухом насмешливый голос.

Я резко вскочил и приготовился к бою, но тут же взял себя в руки – это был Эльтер, мой старший брат.

– Немного, – честно признался я, убирая в ножны кинжал. – Слушай, Эльтер, надо немедленно сообщить Клаару и старейшинам, что люди нарушили Договор – напали на наш отряд. Всех убили – мне одному удалось скрыться...

– Идем, – приказал Эльтер, – это важно, и я сам отведу тебя к вождю клана.

Мой старший брат с прошлого года считается главой семьи – после того, как в бою погиб наш отец, отважный Тирель. И теперь Эльтер представляет интересы нашей семьи в Совете старейшин, что позволяет ему в любое время входить в дом к Клаару и лично докладывать обо всем.

Через некоторое время мы уже шли к Святилищу. Лес расступился, и я снова увидел его – огромное дерево, на вершине которого находился наш Храм. Внизу, у подножия, примостилось несколько простых хижин – там жили члены Совета, в том числе и глава клана, храбрый и могучий Клаар...»

* * *

«...Осторожно, двери закрываются!..» Я оторвался от книги и резко, как спринтер, рванул с места. Надо же, чуть было не проехал родную станцию. В дверях вагона едва не сбил здоровенную бабищу с сумками – она, оказывается, тоже выходила здесь.

– Ишь, упьются, и не видят ничего! – донеслось мне вслед. – Алкаши проклятые!

А вот это неправда – я к алкоголю равнодушен. Ну, почти. Конечно, выпить бутылочку пива после работы или тяпнуть водочки за праздничным столом – святое дело, но чтобы регулярно ужираться до безобразия...

Хотя нет, каюсь – было... Значатся в моей светлой биографии два-три позорных случая, когда я укушивался до состояния почти полной невменяемости. Последний – почти год назад, на нашей корпоративной вечеринке в честь Рождества.

Тогда я в очередной раз выполнял срочный заказ и пришел в ресторан, где гуляла наша братия, уже ближе к концу. Все были изрядно навеселе и мне тут же преподнесли штрафную – здоровенный бокал водки, пожалуй, граммов на двести. Я толком не пообедал, лишь проглотил наспех пару бутербродов, и все. Поэтому на голодный желудок водочка пошла очень даже хорошо.

Я сразу почувствовал в теле легкость необыкновенную, с души свалился тяжелый камень забот и огорчений, а руки-ноги обрели подвижность и гибкость чрезвычайную. Немедленно захотелось музыки, песен, танцев и тесного общения с женщинами. Короче, понеслось! Потом Славка, давась от смеха, рассказывал нашим в курилке, как я провел тот достопамятный вечер.

Оказывается, я нагло клеил Людочку прямо на глазах изумленного донельзя Пал Палыча, приставал к бухгалтерше, почтенной Раисе Сергеевне, и обещал официантке развестись с опостылевшей женой и немедленно на ней жениться. И даже плакался, размазывая по щекам слезы и сопли, на плече у нашей Верочки.

О Верочке надо сказать особо. Это тихое, безобидное существо служит в конторе на должности рисовальщицы, а, по сути, выполняет просьбы типа подай-принеси. Ее все шпыняют, особенно Юля и Катя – наши злобные дамы. Они просто проходу Верочке не дают, вечно прикалываются над ее немодной одеждой и дурацкой прической «под мальчика».

Издеваются они, судя по всему, в отместку за то, что их наши мужики (да и другие тоже) в упор не замечают. Как же – обеим уже под тридцать, давно «уж замуж невтерпех», а женихов подходящих все нет. Да что там подходящих – даже самых заваливающих на горизонте не наблюдается. Что только они ни делали, куда только ни обращались – и в брачное бюро, и к профессиональной гадалке, и к колдунье, чтобы снять венец безбрачия, – и все без толку. Больше двух раз с ними почему-то мужики не встречаются...

А вот Верочка, несмотря на свою не слишком модельную внешность, пользуется в нашей конторе вниманием представителей сильного пола. Возле ее стола постоянно крутятся кто-нибудь из компьютерщиков. Но ведет она себя очень скромно и в связях, порочащих ее, замечена не была. По крайней мере, пока.

Вот и нервничают девоньки, срываю свою злость на несчастной Верочке. А та лишь улыбается и делает вид, что ничего не происходит, чем вводит дамочек в состояние еще большей ненависти. Зато ко мне Верочка относится очень даже хорошо – всегда старается приготовить чай и бутерброды, если я задерживаюсь на работе. А происходит это в последнее время все чаще и чаще...

В общем, закончился тот славный корпоратив для меня очень традиционно – мордой в салат. До квартиры меня довез верный друг Славка – поймал тачку и лично сдал на руки любимой супруге.

...Через день я с тихим ужасом внимал Славкиному рассказу про свои приключения и тихо сползал по стенке. Мало того, что уже огреб по полной от Ленули (не будем уточнять, что и как, но мало не показалось, уж поверьте), так еще и с работы могли реально турнуть! Слава Богу, на вечеринке все тогда были изрядно подшофе, и мало что запомнили. Или сделали вид, что не запомнили.

Пал Палыч не захотел выносить сор из избы и предавать своего непутевого сотрудника публичной порке, а потому информация о моем позорном поведении наверх не пошла. Но в приватной беседе, вызвав в свой кабинет, Пал Палыч строго предупредил – еще один раз увидит подобное, и... Я понуро кивал головой и тяжело вздыхал – что вы, ни в жизнь, больше ни грамма! Мне, к счастью, поверили и даже штрафных санкций в виде лишения премии не было.

С тех пор я в завязке – чтобы и в самом деле не турнули из любимой конторы. А то придется идти в фирму к обожаемой женушке. Что для меня хуже горькой редьки. Почему – объясню чуть позже.

* * *

- Дорогая, – сказал я, входя в квартиру, – как насчет ужина?
- В холодильнике есть, – отозвалась супруга, не отрываясь от телевизора.
- Ты разве мне не рада, любимая?
- Сейчас хвостиком завиляю!

Понятно: мы опять не в настроении. Подобное у моей бесценной женушки случается регулярно – когда в ее фирме очередные проблемы с клиентами. Заказчики у них, как правило, очень богатые, а потому часто с придурью: хочу того, хочу сего... А Ленуля должна их ублажать. Не в прямом смысле, конечно, но близко к тому – улыбаться, приседать и кланяться, чтобы не упустить тугой денежный мешок. Понятно, что после такого безобразия хочется на ком-нибудь отвести душу. А кто всегда под рукой, кто безропотно перенесет все рыки любимой женушки? Конечно, родной муж!

Вот и сейчас Ленуля была готова уже зарычать и загавкать, но я, наученный горьким опытом семейной жизни, быстренько снял куртку, скинул ботинки и побежал на кухню – во-первых, перекусить, а во-вторых, отсидеться.

Через полчаса Ленуля досмотрит телевизор, допьет свою бутылку вина (она часто расслабляется после трудного дня бокалом-другим красного – говорит, полезно для здоровья и снимает стресс), и завалится спать. Даже, может быть, пустит под свой тепленький бочок...

На кухне я прятался не один – здесь уже отсиживался наш пес Бобик. Он прекрасно понимал настроение хозяйки и под горячую руку не лез. Умный, зараза, прямо как я.

Это милое беспородное существо когда-то притащил с улицы мой сын. Песик был маленький, замерзший и жалкий. Ленуля его пожалела – что случается с ней крайне редко. Женушка внимательно осмотрела трясущееся от страха и холода крохотное существо и задумчиво произнесла:

– Вроде бы маленький, жрать много не станет. А детям нужно прививать любовь к животным – так в школе сказали. Ладно, пусть будет. Только как мы его назовем? А, придумала – Бобик!

– Почему Бобик? – удивился я. – Сейчас такие клички не в моде, давай лучше Бакс или, на худой конец, Алан!

– Собакин, ты посмотри на него, – встала в любимую позу – руки в боки – супруга, – ну какой он на фиг Бакс или, прости господи, Алан? Типичный Бобик, как и ты. Вот и будете дружить на пару!

С тех пор мы и дружим. Бобик со временем вымахал в здорового кобеля (его папой оказался ротвейлер) и жрет гораздо больше, чем я. Супруга, кстати, считает, что, приграв Бобика, сделала мне большое одолжение. Поэтому пес – полностью моя забота: дети быстро охладели к четвероногой игрушке, а Лёнуля разную лохматую живность не особенно любит – лишние хлопоты в доме. Да и шерсть по углам... А домашнюю работу – уборку квартиры, мытье посуды и стирку – она просто терпеть ненавидит. Так что этим тоже в основном занимаюсь я.

Теперь я каждый день гуляю по утрам с Бобиком, минут двадцать или даже полчаса. Лёнуля считает, что для меня это очень полезно – моцион не дает застаиваться крови в малом тазу и препятствует развитию разных нехороших болезней. А то я почти целый день сижу на стуле, как бы геморрой не заработать...

Помимо всего прочего я лично кормлю Бобика, расчесываю, мою, отвожу на прививки и т. д. Пес, надо признать, платит мне любовью – он, пожалуй, единственный член нашей семьи, кто при виде меня искренне радуется и виляет хвостом. Ему, в отличие от прочих, кроме любви, ничего от меня не нужно. Что весьма радует.

* * *

...В холодильнике, как всегда, обнаружили замороженные котлеты и слипшиеся макароны. Я бросил то и другое на сковородку и пошел переодеваться. Дома я хожу исключительно в футболке и старых трениках – отдыхаю от официоза на работе. Лёнуля тоже предпочитает что-нибудь простое, типа халата – у них дресс-код еще строже, чем у нас.

– Как дети? – поинтересовался я у супруги.

– Нормально, – не отрываясь от фильма, ответила та. – Не слышишь, что ли?

Из маленькой комнаты доносилась громкая музыка – значит, дочь уже дома. Она у нас неформалка – обожает рок и все готическое, ходит в стильном прикиде и красит волосы в черный цвет (хотя от природы русая – в меня). В этом году Маша поступила в институт (это отдельная и весьма поучительная история, как-нибудь на досуге расскажу), поэтому считает себя абсолютно самостоятельным, взрослым человеком. Недавно, например, заявила, что по пятницам не будет ночевать дома – у них, мол, в клубе своя тусовка до утра. Жена махнула рукой – делай, что хочешь. Моего мнения, разумеется, никто не спросил. Я только осторожно заметил Лёнуле:

– Дорогая, а ты не боишься, что через девять месяцев станешь бабушкой? Вспомнишь тогда, как детскую коляску по двору катать... Кстати, ты кого хочешь – мальчика или девочку?

– Нет, нет не боюсь, – парировала супруга, – это будут Машкины проблемы – я свое уже откатала. К тому же не то страшно, что я стану бабушкой, а то, что буду спать с дедушкой. Вот это действительно ужас!

И рассмеялась весело. В этом вся Лёнуля – ни за что не признается, что, прямо скажем, уже не первой молодости, упорно считает себя юной (или почти) девушкой. Лет этак двадцати пяти... Поэтому и красится регулярно – то в блондинку, то в брюнетку, то в рыжую. Меняет свой имидж, освежает, так сказать, внешний вид. Я, честно говоря, уже и забыл, какого цвета у нее волосы – вроде бы светлые, но не уверен.

Сын Степан, как всегда, сидел в своей комнате за компьютером. Он надевает наушники и может часами играть в любимые стрелялки, не реагируя ни на какие внешние раздражители. Лишь изредка отрывается, чтобы притащить с кухни очередной бутерброд и сжевать его, не отходя от монитора. Поэтому поднять его утром в школу – целая проблема. Правда, Ленуля справляется с ней достаточно просто и эффективно: сдергивает со спящего отпрыска одеяло и открывает настежь окно. От холода Степан тут же просыпается и, жалобно поскуливая, отправляется в ванную.

В этом мы с ним похожи – оба не любим рано вставать (типичные совы) и ненавидим холод. Ленуля держит нас (да и всю семью) в ежовых рукавицах, расслабиться не дает. Вот такая она, наша мама, просто железная леди! Маргарет Тэтчер отдыхает.

Глава вторая

Я не люблю футбол. Смотреть, как толпа потных, возбужденных мужиков гоняет по полю бедный мячик – не по мне. А вот Ленуля его обожает. В воскресенье, вместо того, чтобы, как подобает приличной супруге, готовить семейный обед, стирать или гладить, она садится перед телевизором и на два с лишним часа выпадает из реала. Говорить с ней в это время, требовать исполнения домашних обязанностей – бессмысленно, жена видит только игру и слышит исключительно комментатора.

– Нет, ты видел? – обращается она время от времени ко мне. – Какой гол! Просто красавец – прямо в «девяточку»!

Я тихо сижу рядом и делаю вид, что мне это тоже интересно, даже иногда подаю реплики типа: «Как он рванул, а?» или «Куда только смотрит арбитр!» Жена на это обычно хмыкает и запивает происходящее крепким чаем. Хорошо, что хоть не пивом... В конце концов, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось.

Раньше, в первые годы нашей совместной жизни, я пытался ее перевоспитывать, но вскоре бросил это дело как абсолютно бесполезное. Даже плач собственного ребенка не мог оторвать Ленулю от просмотра очередного матча. Она, не поворачивая головы, говорила мне: «Собакин, посмотри, что там со Степкой», или «Собакин, поменяй Машке пеленки, не видишь, что ли – описалась!» И прочее в том же духе.

Все мои попытки выключить телевизор и заставить супругу обратить внимание на мужа и семью обычно заканчивались тем, что она вставала руки в боки и гневно заявляла: «Собакин, ты живешь за мой счет, сидишь на моей шее! Так отстань от меня и дай отдохнуть хотя бы в воскресенье». После чего шлепалась обратно в кресло и продолжала смотреть игру. Молча, уже ни на что не реагируя.

Конечно, кто-то может назвать меня слабохарактерным, даже тряпкой, и будет абсолютно прав. Я терпеть не могу выяснять отношения с женщинами, и особенно – со своей любимой женой. Тем более что по большому счету она была права: я действительно живу за ее счет – если сравнивать ее и мою зарплату. Сейчас Ленуля возглавляет отдел в крупной строительной фирме и чувствует себя большим начальником. Она не раз пыталась перетащить меня к себе, но я пока сопротивляюсь.

Поясню почему. Ей нужен человек, умеющий красиво оформлять туалетные и ванные комнаты. Дело в том, что ее контора занимается строительством и отделкой дорогих особняков, а у их хозяев, как правило, имеются свои представления о красоте и дизайне.

Заказчики часто требуют, чтобы отхожие и ванные места были оформлены на высшем уровне – как картинка в журнале. При этом каждый желает получить еще чего-нибудь индивидуальное, особенное, что выгодно отличало бы его сортир от аналогичного же места у соседа. Вот и выпендриваются друг перед другом – такое иногда заказывают, что просто голова кругом! Золотыми унитазами сегодня никого не удивишь, а вот эксклюзивный дизайн и картины маслом в нужнике – это круто!

Так вот, по замыслу супруги, я и должен был ублажать этих богатых уродов – делать им красиво.

Один раз я попробовал поработать у супруги и запомнил на всю жизнь. Некий Петр Федорович (то ли бандит, то ли оптовый торговец рыбой, я так и не понял), заказал себе туалет в стиле русский ампи́р. Ну, захотелось ему так, что поделаешь!

Жена долго уговаривала меня взяться и в конце концов уговорила – сыграла на самолюбии: мол, тебе, с твоим верхним художественным образованием это как два пальца об асфальт. Сделаешь эскизы, ублажишь клиента, а уж потом я тебя сама ублажу... На высшем уровне, не забудешь!

Я, сидевший в то время на голодном половом пайке, скрепя сердце, согласился. Подумал: ну, в самом деле, что мне стоит: все-таки диплом художественного института в кармане, да и талантом вроде бы не обижен... Сделаю, как она просит, порадую заказчика, один-то раз можно! Ведь даже пословица есть: один раз не... Ну, дальше вы сами знаете. Думал, глупый: пусть поступлюсь принципами, но зато помогу Ленуле, заработаю кучу бабок, а там, глядишь, и мне кое-что обломится. В смысле любви. Надоело, знаете ли, спать одному на диване, хочется к жене, под теплый бочок...

* * *

В общем, взялся я за ту работу. Неделю сидел над эскизами (ночами, разумеется, днем-то приходилось вкалывать в конторе), однако все сделал, причем точно в срок. Но клиент, рассмотрев как следует мои рисунки, недовольно скривил толстую рожу – что это, мол, у тебя за колонны с портиками?

Я ему вежливо объяснил – именно то, что вы заказывали, уважаемый. Стиль русский ампи́р предполагает именно такое архитектурно-дизайнерское решение внутреннего пространства помещения, причем обязательно с покраской в светлой цветовой гамме и с непременно́м использованием следующих элементов декора... На что незамедлительно последовал ответ:

– И на хрена мне тогда такой ампи́р? Одни колонны с какими-то загогулинами, и больше ничего красивого нету... Где скульптуры? Где раковины с этими, как их, бабы еще такие были, античные...

– Наяды, – услужливо подсказал вертлявый молодой человек в строгом деловом костюме, помощник Петра Федоровича.

– Во-во, – кивнул хозяин, – с наядами. В общем, переделывай все, да побыстрее – у меня рабочие простаивают. И не забудь еще русалок добавить, да погрудастей! Хочу, когда на унита́зе сидеть буду, баб с сиськами рассматривать!

И заржал довольно. Помощник заискивающе захихикал и подсказал:

– Сюда бы еще, Петр Федорович, Венеру поставить – для полноты интерьера.

– Точно, – кивнул заказчик, – и чтоб Венера была!

– Вам какую Венеру надо? – решил я слегка постебаться.

– А что, они разные бывают? – удивился Петр Федорович.

– Да, – с серьезным видом кивнул я, – известны такие скульптурные изображения богини Венеры, как Милосская, Антиохская, Кипрская...

– Давай тогда Милосскую! Я что-то слышал про нее... Или в Италии видел, когда с Танькой ездил... Я по скульптурам этим не особенно, больше по живым бабам!

И снова заржал.

– Вам с руками или без? – продолжил я с абсолютно серьезным лицом.

– Не понял...

– Видите ли, – терпеливо начал объяснять я, – точная копия Венеры Милосской предполагает изображение без рук – как в оригинале.

– А где же руки-то ее? – не въехал заказчик.

– Так ведь вандалы еще в пятом веке нашей эры отрубили, когда Древний Рим брали, – горестно вздохнул я. – А когда в восемнадцатом столетии Венеру нашли, так она уже без рук была...

– И на фига мне баба без рук, – пожал плечами Петр Федорович, – нет, ты, мил человек, давай мне нормальную, со всеми конечностями. И, кстати, почему копия? Я тебе что, лох какой-нибудь, чтобы копии собирать? У меня все вещи в оригинале: и Рембрант, и Рафаэль, и этот, как его? Который еще себе ухо отрезал...

– Ван Гог, – подсказал услужливый помощник.

– Точно, – кивнул Петр Федорович, – он самый. Так что тащи оригинал, и смотри у меня – проверю! Если какую-нибудь туфту впаришь – вмиг узнаю... И в асфальт закатаю!

И снова довольно заржал.

В общем, промучился я над этим заказом еще два дня, а потом плюнул и решительно отказался – такая работа не по мне. Нет, лучше уж я буду делать свои рекламные эскизы...

Жена была очень недовольна, дулась почти неделю, но потом все же поняла, что этот бизнес действительно не для меня. Простила и даже к телу своему, нежному и мягкому, допустила. Хотя до сих пор не оставляет надежды уговорить меня бросить любимую контору и затащить в свою фирму. Я сопротивляюсь, как могу, отбиваясь всеми четырьмя конечностями. Вот так мы и живем.

Дети, надо сказать, полностью поддерживают мать. Они считают, что я мог бы зарабатывать хорошие бабки, если бы оставил свои дурацкие принципы и занялся настоящим делом.

Понять их можно: И Машка, и Степан получают карманные (и не только) деньги из рук матери, а потому рассматривают ее как главу нашего семейства. Все главные вопросы они решают только с ней, мне же отводится роль «парадного папы». И приходится играть ее почти каждое воскресенье.

Дело в том, Ленуля очень любит приглашать в гости знакомых (как правило, коллег), и тогда мы дружно изображаем счастливую, благополучную семью. Я играю роль главы семейства, жена – соответственно, заботливой, домовитой хозяйки-хлопотуньи, а отпрыски – хороших и воспитанных детей. Ленуля чрезвычайно старается, чтобы в глазах ее сослуживцев и подруг мы выглядели очень достойно. Мнение друзей для нее свято.

В отличие от меня, которому, в общем-то, глубоко начихать на то, что думают о нем окружающие. Я, само собой, не нарушаю общепринятых норм и правил поведения, но предпочитаю оставаться самим собой, а не подстраиваться под чье-либо мнение. В особенности тех людей, которые мне по большому счету глубоко фиолетовы – как любит выражаться моя Ленуля.

В самом деле, ну какое мне дело, что думает обо мне тот же Пал Палыч или его Людочка? Пусть шеф считает меня законченным неудачником, а его секретарша – просто отстоем, но я, разумеется, другого о себе мнения. У меня есть немного таланта (ну, хорошо – пусть всего лишь способностей!), я умею неплохо рисовать и даже сносно делаю дизайн-проекты – когда, разумеется, приходит вдохновение. В последнее время, к сожалению, это случается все реже и реже.

И этого мне вполне довольно. А что думают обо мне или и моем образе жизни коллеги и друзья Ленули – мне абсолютно по фигу. Славка, например, меня уважает и прямо говорит: «Старик, ты гений!» Правда, только тогда, когда хочет стрельнуть немного денег до полочки... И пусть его слова – некоторое преувеличение (ну, хорошо – большое преувеличение!), но мне очень приятно. Ведь недаром великий Пушкин написал: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман». И я с ним полностью согласен.

* * *

Наш воскресный день проходил, как обычно: Ленуля сидела у телевизора, наблюдая за игрой любимого «Спартака», я возился с эскизами – доделывал то, что не закончил на работе. Машка умотала с друзьями на тусовку, Степан проводил время за компьютером. Тихая семейная идиллия, благодать божия!

...Которую неожиданно прервал требовательный звонок в дверь. Бобик тут же подал голос – лай у него громкий, отчетливый, как у папы-ротвейлера. Значит, это кто-то чужой. На знакомых Бобик реагирует по-другому – тихим, радостным повизгиванием. Знает, подлец, что ему достанется что-нибудь вкусненькое. Наши друзья (точнее, друзья Ленули, поскольку мой единственный друг Славка у нас почти не бывает) в курсе того, что любит Бобик, и часто его

угощают. Пес платит им благодарностью – лижет руки и преданно заглядывает в глаза. Понимает, хитрец, что получит еще и добавку со стола.

Ленуля, глядя на него, не раз мне говорила: «Собакин, бери пример с Бобика – лижет руки, кому надо, потому и ходит всегда сытый и довольный». Я так, к сожалению, не умею – ну не способен я изображать преданность и любовь к тому, кого не уважаю. А уж тем более лизать ему руки (или другое место), и в особенности – нашему начальству. Вот и сижу столько лет на одной должности – обычного, рядового сотрудника конторы. Другие легко делают карьеру, уходят на повышение, а я день за днем прихожу на службу и делаю одну и ту же работу. Правда, она мне нравится, а это уже большой плюс.

В дверь продолжали настойчиво звонить.

– Собакин, иди, открой! – подала голос Ленуля.

– Это, наверное, к тебе...

– Все равно – открой!

Я поплелся в прихожую. За дверью оказалась соседка Ира – одна из многочисленных подружек жены. Бобик ее не жалует – она кошатница, в квартире – три мурлыки, а наш пес искренне ненавидит кисок. Как выйдем во двор, так первым делом проверяет, не затаилась ли где противная мурка? Если обнаружит (а кошки часто прячутся под машинами – там теплее от мотора, особенно зимой), так сразу начинает громко лаять. Охотничий инстинкт, понимаешь... К тому же показывает, кто во дворе хозяин. Приходится брать его на короткий поводок и оттащить от машины, а то наши дворовые бабки разорутся – они кошек защищают и очень даже балуют. Так вот, Ирка у нашего Бобика четко ассоциируется с усатыми-полосатыми, потому он ее всегда громко облаивает – за компанию, так сказать.

Я загнал пса на кухню и открыл входную дверь.

– Привет, Вася! – мило улыбнулась Ирка. – Я на минуточку, можно?

Конечно, можно, хотя эта минуточка обычно растягивается на два с лишним часа, подумал я, но вслух сказал:

– Проходи, разумеется! Ленуля в гостиной.

А сам вернулся на кухню, где до этого сидел над эскизами. Почему я работаю на кухне? По двум причинам: во-первых, это самое спокойное место в нашей квартире – Ленуля заглядывает сюда крайне редко, не чаще двух-трех раз в сутки, а во-вторых, все ближе к холодильнику. Можно, не отрываясь от творческого процесса, сварганить себе пару бутербродов и тут же, запивая чаем, проглотить. И сигареты всегда под рукой – на кухне мне разрешается курить. А больше для спокойной работы по большому счету мне ничего и не нужно.

Впрочем, была еще одна причина: Ленуля не любит, когда я слушаю ее болтовню с подругами, поэтому всегда выгоняет меня прочь из комнаты. Она обычно заявляет:

– Иди, Собакин, посиди где-нибудь, а мы тут пока пошушукаемся немножко, посекретничаем!

Собственно, никаких страшных тайн в этой болтовне нет и быть не может – обычные женские сплетни, перемывание косточек ближним и дальним знакомым, но тем не менее Ленуля всегда выпроваживает меня на кухню. Я не особенно сопротивляюсь – самому, честно признаюсь, не интересно слушать, как бабы языки чешут.

* * *

– Слушай, Собакин, – жена неожиданно материализовалась у кухонного стола, – у Ирки подруга – владелица турбюро, и у нее образовались две горящие путевки в Египет. Вылет завтра утром, в Хургаду.

– Я не могу, с работы не отпустят...

– А кто тебе предлагает? Летим мы с Иришкой. Ты остаешься в доме на хозяйстве.

– А как же...

– Что – как же? – не дала мне закончить жена. – Дети взрослые, сами о себе позаботятся. Степан вполне может разогреть обед, а о Машке я вообще не говорю – найдет, что и где поесть. А также заночевать. Ты вроде тоже уже не маленький... Оставлю вам денег, будешь покупать в магазине котлеты и сосиски, а макароны, гречка и рис есть у нас дома. Сварил, разогрел, поел – такой алгоритм действий. Элементарно, Собакин, думаю, даже ты справишься. Запомнил? Ну и молодец!

– Но...

– И никаких но! – встала в любимую позу жена. – Я устала, мне нужен отдых! И так пашу на вас, как ломовая лошадь, хочу немного в себя прийти. Путевки всего по триста баксов, надо брать, ясен пень, а то уплывут. Потому разговор окончен – я иду собираться, а ты пока закажи такси на завтра, на шесть утра. Да не перепутай, как всегда!

Вот так: самые важные решения Ленуля принимает сама, в одиночку, ставя меня перед свершившимся фактом. Я вздохнул и вернулся к своим эскизам. Хотя, с другой стороны... Неделю я буду жить так, как захочу: сидеть на работе допоздна, спокойно читать в постели... Не нужно ни перед кем отчитываться, никому ничего объяснять или доказывать... Да это просто праздник какой-то!

Нет, в этой идее что-то есть, решил я окончательно, по крайней мере, мне тоже надо немного отдохнуть от благоверной, а то ее забота и внимание уже сидят в печенках. Семейные психологи советуют – супругам полезно время от времени расставаться, это освежает чувства. То же самое я вычитал в одной умной книге по семейным отношениям. Не помню, кто ее автор, но советы в ней даются правильные. Я следую им уже почти двадцать лет. И, как видите, не без успеха.

Нет, это просто отличная идея – отдохнуть друг от друга, решил я и, весело насвистывая, принялся рисовать.

Глава третья

– Не забудь разбудить Степку в школу, – растолкала меня утром жена, – и погуляй с Бобиком. Я поехала, когда заселюсь в отель, позвоню.

– Угу, – пробормотал я сквозь сон и снова упал в царство Морфея.

...Звонок будильника буквально подкинул меня на кровати. Черт, чуть не проспал! Я метнулся в комнату Степана и резко дернул с него одеяло – вставай, соня! Но он только дрыгнул ногой, не выказывая ни малейшего желания просыпаться, и вновь натянул на себя одеяло.

– Я выйду с собакой, а ты пока собирайся, – приказал я сыну и побежал умываться.

Потом мы двадцать минут гуляли с Бобиком – меньше нельзя, иначе он не сделает все свои дела. Пес у нас обстоятельный, где попало ногу не задерет и под каким угодно кустом не сядет. Сначала тщательно изучит местность (несмотря на то, что мы гуляем каждый день по одному и тому же маршруту), и только потом справит нужду, как большую, так и маленькую. Я в это время обычно нетерпеливо прыгаю рядом – хочется поскорее домой.

Сегодня было довольно холодно (конец ноября все-таки), дул противный, сырой ветер. Наверное, не сегодня-завтра пойдет снег, думал я, стараясь хоть немного согреться.

И правда, пора – Новый год уже не за горами. Кстати, надо бы подумать, что подарить Ленуле на праздник. Обычно я преподношу ей маленький флакончик духов, но на сей раз следовало придумать что-нибудь получше, а то этими флакончиками у нее весь туалетный столик забит. Да еще что-то купить для Машки и Степки... Впрочем, здесь все просто – дети предпочитают брать деньгами. Вот оно, практичное молодое поколение!

Пес наконец сделал свои дела, и мы потрусили к дому.

– Молодой человек! – раздалось у меня за спиной.

Я обернулся – ко мне спешила блондинка в ярко-красном пальто. Такие Барби обычно бывают на обложках глянцевого журналов, промелькнуло у меня в голове, но вот пойдешь ты – оказывается, и в нашем парке водятся. К чему бы это? К дождю, наверное, как говорила моя Ленуля...

– Да? – немедленно отозвался я.

– Вы мою собачку случайно не видели? Беленькая такая, болонка, девочка...

– Нет. А что, убежала?

– Да. Я чуть-чуть отвлеклась, – едва не заплакала блондинка, – по телефону с подружкой заболталась, а она, негодница, тут же смылась! Вот противная! Помогите найти, пожалуйста!

– Ладно, но только как? Парк-то ведь большой...

– У вас, я вижу, служебный пес, – кивнула блондинка на моего Бобика, – пусть след возьмет.

С этими словами она протянула поводок и ошейник своей болонки. Бобик недоуменно посмотрел на меня – чего это она, хозяйин? Пес даже не подозревал, что его гордо назвали служебным псом.

– Нюхай, Бобик! – приказал я. – След!

Пес осторожно понюхал поводок и завилял хвостом – запах болонки ему, судя по всему, очень понравился.

– След! – вновь приказал я.

Как ни странно, пес меня понял и начал активно нюхать землю – видимо, ему не терпелось познакомиться с симпатичной сучкой. Хозяйка болонки очень этому обрадовалась:

– Видите, он нюхает, значит, возьмет след!

– Отлично, через минуту найдем вашу пропажу! – оптимистично заявил я.

Внутри меня все ликовало – вот она, минута торжества! Не зря, выходит, Бобика кормили – он оказался чрезвычайно сообразительным псом и сейчас продемонстрирует свои лучшие

навыки и умения. В том числе служебные, которым его никто не учил. Все правильно – метисы, как правило, рождаются более умными и приспособленными к суровой действительности, чем породистые, дорогие, но чрезвычайно избалованные и изнеженные собаки. Тем более, если мама у полукровки – дворняжка. Закон жизни – слабые и глупые в наше время не выживают, так что хочешь не хочешь, а приходится соображать и крутиться.

«Молодец, Бобик, так держать, – подумал я. – Покажем этим сучкам, какие мы с тобой крутые мужики!» Минут через пятнадцать сбежавшая болонка была найдена – она спокойно гуляла по главной аллее и, кажется, совсем не заметила пропажу хозяйки.

– Габи! – радостно завопила блондинка. – Негодница такая! Вот я тебя сейчас!

Но вместо того, чтобы наказать провинившуюся сучку, она стала ее нежно гладить и любовно тискать, присюсюкивая:

– Плохая Габи, нехорошая! Убежала от мамочки, а я так переживала, так волновалась! Что бы я без тебя делала, скажи на милость? Негодница, Габи, противная!

Сучка, по правде говоря, проявляла больший интерес к Бобику, чем к вновь обретенной хозяйке. Пес также выражал искренние чувства по отношению к смазливой болонке.

– У вашей собачки, наверное, течка, – догадался я, – вы ее с поводка-то не спускайте, а то мало ли что... Убежит, а потом и не найдете. Или придется целый выводок, получившийся непонятно от кого, кормить.

– Что вы, – обиделась блондинка, – Габи у нас не такая, она с кем попало якшаться не станет! Мы для нее специально мальчика найдем, из хорошей семьи, и непременно – победителя международного конкурса...

Ага, все вы не такие, думал я, пока не приспичит. А потом и происхождение не важно – главное, чтобы другое было на месте. Так и Габи – увидит подходящего кобелька и поминай, как звали! Потом, может, и вернется назад, да поздно уже – дело сделано. Вслух же я этого, разумеется, не сказал – решил не огорчать впечатлительную дамочку.

Блондинка искренне поблагодарила за помощь и побежала домой. Я тоже поспешил назад – из-за поисков сучонки я уже изрядно опаздывал на работу.

Степка, как выяснилось, в мое отсутствие не соизволил даже подняться – так и дрых, мерзавец, только одеяло поглубже натянул. Я еще раз попытался его разбудить:

– Степан, быстро вставай, в школу опоздаешь!

– Ну, папа, – сонно протянул мой отпрыск, – мама-то в отпуске, дай хоть раз выспаться!

А почему бы и нет, подумал я. В самом деле, ну что я к нему привязался? Пусть ребенок отоспится, пока Ленуля в Египте отдыхает. Ему полноценный сон очень нужен, тем более что организм молодой, растущий...

Я тихо вышел из комнаты и оправился на кухню. К Машке даже не заглядывал – она сама, когда нужно, просыпается и встает: у них в институте пары начинаются в разное время.

Я уже серьезно опаздывал, поэтому завтракать не стал: быстро проглотил пару бутербродов, на скорую руку побрился и понесся на работу. Все-таки правильно говорят: понедельник – день тяжелый. Особенно если жена уезжает и ты остаешься дома за главного.

* * *

В вагон удалось втиснуться лишь со второго раза – опять битком! Ну, когда наши власти наконец поймут, что от состояния метро напрямую зависит производительность труда. Если приходишь на работу весь помятый и в растрепанных чувствах, то, разумеется, ни о каком деле думать не хочется. Сначала надо немного очухаться и привести себя в порядок. Вот и отправляешься в курилку – отдышаться, узнать последние новости, пообщаться с коллегами. Минут пятнадцать-двадцать рабочего времени вылетает в дым...

Женщины в это время, как правило, наводят на лице марафет – тоже своеобразный ритуал обретения самой себя. Сначала рисуются глаза, потом ресницы, губы и все прочее... Наконец, можно оторваться от зеркала и посмотреть, что же делается вокруг. Соседка только что вернулась из отпуска? Прекрасный повод для разговора на часик-другой. У шефа новая любовница? Вообще можно на полдня забыть о работе. Это же такая новость! Прямо сенсация!

Если бы наши городские власти по-настоящему заботились о людях, то, конечно, сделали бы все, чтобы поезда ходили гораздо чаще и пассажиры не так давились. А то всякий раз приходится брать вагон штурмом. Что удастся обычно со второго-третьего раза.

Все это я думал, стоя на одной ноге у самых дверей и покачиваясь в такт движения. Упасть я не боялся: в такой толчее можно было даже умереть стоя – все равно никто не отодвинулся бы. Через две остановки мне наконец удалось пробиться поглубже в вагон, и я повис на поручне. Появилась возможность немного отдышаться и даже почитать. Я отодвинулся от сопящего в самое ухо соседа, слегка развернулся, чтобы свет лучше падал, и открыл книжку. Так, где мы вчера остановились? Ага, вот оно...

* * *

«.....Клаар вышел вперед, высоко поднял правую руку, и все разговоры сразу прекратились. У подножия дерева собрались старейшины, воины и члены клана, кроме самых маленьких эльфов, разумеется.

– Люди нарушили Договор, – начал Клаар, – неожиданно и коварно напали на разведывательный отряд, уничтожили всех. Погибли храбрейшие воины...

– Смерть людям! – сразу же донеслось откуда-то из задних рядов.

И тут же над толпой покатилося:

– Правильно, смерть им! Отомстим, накажем за коварство и подлость! Веди нас в бой, храбрый Клаар!

Глава клана снова поднял руку, и шум постепенно стих.

– Мы, конечно, отомстим, это даже не обсуждается. Вопрос только в том, как и когда лучше это сделать. Следует ли нам выступить немедленно или разумнее немного подождать, пока не подойдут воины из других кланов? Я уже послал гонцов к соседям, скоро должен прийти ответ. Я не сомневаюсь, что нас поддержат. Еще пара-тройка дней – и прибудут воины...

– Немедленно, – воскликнул Доор, один из наших храбрейших бойцов, – надо выступить немедленно, пока не остыла кровь убитых! Так велит наш закон! Месть должна быть быстрой и жестокой, чтобы люди запомнили надолго и передали своим потомкам – нельзя безнаказанно нападать на эльфов.

– Верно, правильно, точно! – поддержало его большинство собравшихся.

– А что скажут старейшины? – обратился к Совету Клаар.

Мудрый и осторожный Роон, председатель Совета старейшин, поднялся с места и встал рядом с Клааром.

– Нас очень мало, – сказал он, – и любое столкновение с людьми может привести к тому, что мы потеряем последних воинов. Кто тогда защитит наши дома, кто спасет наших детей и женщин от беспощадных людей и их злобных псов? Я лично голосую за то, чтобы подождать, благо помощь прибудет очень скоро, а потом все вместе мы выступим в поход. В единстве и сплоченности – наша сила, совместный удар принесет гораздо больше пользы, чем действие одного отряда.

– Нас мало, это верно, – тут же возразил другой член Совета, отважный Ноир, – но, с другой стороны, люди не ожидают, что мы ответим сразу после нападения. Они думают, что мы, как обычно, будем ждать, пока соберутся все воины кланов или по крайней мере боль-

ишинство, и только тогда выступим в поход. Да, нас через пару дней станет гораздо больше, но и люди за это время сумеют как следует подготовиться. Они наверняка подтянут солдат из отдаленных замков и крепостей, и тогда сражение может затянуться, стать долгим и кровавым. Вспомните битву при Ладернау! Сколько наших лучших, храбрейших воинов полегло тогда! И все потому, что мы ждали, копили силы... И что в итоге получилось? Мы потеряли время, и люди успели пополнить свои дружины. Они выставили против нас не только гвардейцев князя Редрика, прекрасно подготовленных и великолепно вооруженных, но и бойцов из самых дальних, захудалых баронств. Мы храбро сражались, но противник был слишком силен, и в конце концов они победили. И только ценой огромных усилий нам удалось остановить людей, задержать на самой границе леса. Мы потеряли не только наших братьев, но и значительную часть Восточных земель... А сейчас люди возводят свои крепости все ближе и ближе к нам, и их посты уже стоят возле самой кромки Запретного леса. Скажите, разве мы хотим повторения этого?

Собравшиеся на поляне дружно зашумели: многие хорошо помнили ту страшную, кровавую битву, случившуюся всего десять лет назад. Почти каждая семья понесла тяжелые потери – у кого погиб отец, у кого – брат или сын... А у некоторых (как у нашей семьи, например), пали в той битве почти все старшие воины.

– Так вот, – продолжил Ноир, – ждать ни в коем случае нельзя. Наверняка люди уже собирают силы. Я уверен: гвардейцы князя не начали бы военных действий, если бы не были уверены в помощи со стороны озерных баронов. Я также не сомневаюсь, что сегодняшнее нападение не случайно – оно часть расчетливого и подлого плана. Гвардейцы специально устроили засаду, чтобы спровоцировать ответные действия с нашей стороны. В этом – все их коварство: сначала нарушить Договор, ударить исподтишка, а потом обрушить на нас всю свою военную мощь. Я думаю, скоро выступят все – и гвардейцы князя, и дружины баронов, и, возможно, даже крестьянское ополчение. Но вот чего они точно не ждут, так того, что мы ударим немедленно, без подготовки. Если нападем сейчас, пока люди не объединились, можно нанести им значительный урон.

– Что смогут сделать несколько десятков наших бойцов против сотен отлично подготовленных воинов князя и тысяч дружинников озерных баронов? – спросил осторожный Роон. – Я считаю, что это чистой воды самоубийство – сражаться столь малыми силами с опасным и опытным противником. Повторяю: мы потеряем все, и тогда некому будет защищать наши дома от карательных отрядов. Я не вижу смысла в подобной спешке, тем более что помощь придет скоро – это вопрос лишь нескольких дней...

– Смысл есть, – снова вышел вперед Ноир. – Мы ударим на рассвете, пока люди спят, и разгромим их отряды. Это будет уже победа. Да, людей в сотни раз больше, чем нас, у них великолепное оружие и клыкасты, натасканные псы. Но у них нет той храбрости, что есть в каждом из нас, даже в самом юном воине. Большинство людей – трусы, они думают лишь о своей шкуре. Даже самые отважные из них немедленно обращаются в бегство, когда попадают под наши стрелы. Людям очень хочется жить, и они сражаются только потому, что им хорошо платят. Князь Редрик, несомненно, соберет всех своих вассалов и пошлет в бой все дружины, но он не сможет заставить людей погибать только ради своих интересов. Озерные бароны прекрасно понимают, что война нужна лишь самому князю – он мечтает расширить свои владения вплоть до Большой реки. А им она ни к чему, они уже давно живут с нами в мире. И как только бароны увидят, что их дружинники погибают десятками, так сразу повернут назад. Или, по крайней мер, сделают все, чтобы не идти в лес первыми. Никто не захочет получить в сердце длинную эльфийскую стрелу или удар мечом! На этом мы и построим наш расчет. Нужно запугать баронов, вселить в их сердца неуверенность, страх, ужас, и тогда они откажутся идти в бой. А без поддержки их дружинников гвардейцы князя Редрика долго не протянут. Поэтому я и предлагаю идти немедленно, пока нас не ждут!

Ноир закончил говорить и сел на свое место. Все зашумели – и опытные, и молодые воины: им понравились слова Ноира. Честно говоря, мне они тоже очень прилипли по душе. Правильно – ударим внезапно, прямо сейчас, и пусть жалкие, трусливые людишки почувствуют ярость и гнев эльфов!

Клаар вновь поднял руку, призывая к тишине. Шум постепенно стих.

– Я согласен с отважного Ноиром, – сказал он, – надо выступить немедленно, сегодня же ночью. Мы выйдем после захода солнца, чтобы к рассвету быть на месте. Пусть прольется кровь низкорожденных! Отомстим за наших братьев! Смерть за смерть!

– Смерть за смерть! – понеслось, как эхо, над рядами.

– Каждая семья выставит по одному воину, – объявил Клаар, – сбор на закате у Святилища. Я все сказал!

Все стали потихоньку расходиться, обсуждая услышанное. Я подошел к брату.

– Ты идешь?

– Конечно, – кивнул Эльтеру, – я же старший воин в семье.

– Тогда возьми меня с собой.

– Нет, Альмир, – покачал головой брат, – если я погибну, кто тогда возглавит нашу семью? Это будет уже твоя обязанность.

– Но ведь еще есть Ольгер, он по старшинству идет сразу после меня...

– Ольгер еще недостаточно обучен и не годится на эту роль, – возразил Эльтер, – ты знаешь не хуже меня.

– Тогда, может быть, дядя Вилар?

– Я хочу, чтобы нашу семью возглавил в случае моей гибели именно ты, – тихо произнес Эльтер, кладя руку мне на плечо. – Я могу доверять только тебе...

– Но я много раз бывал в тех местах, хорошо знаю, где находятся посты людей, где стоит их гарнизон...

– Да, все это, несомненно, очень важно, – согласился Эльтер, – но я не могу рисковать тобой – ты мне нужен здесь.

В это время нас догнал храбрый Доор. Он кивнул брату:

– Что, Эльтер, повеселимся завтра, а? Покажем этим людишкам!

– Точно, – кивнул Эльтер, – покажем!

– Кстати, твой брат идет с нами? – кивнул на меня Доор. – Он ведь был разведчиком в отряде славного Слаара, значит, знает, как незаметно подобраться к людским деревням.

– Конечно, знаю, – решил воспользоваться я неожиданно появившейся возможностью. – Я покажу – и где стоят их дозорные, и где гарнизон, и как лучше выйти к деревне...

– Отлично! – обрадовался Доор. – Тогда жду вас обоих на закате у Святилища!

Брат недовольно поморщился, но возразить не посмел: Доор – старший воин в клане, кроме того – непосредственный командир в боевой двадцатке, а приказы командира, как известно, не обсуждаются.

– Ладно, – сказал Эльтер, – ты идешь с нами, будешь моим помощником, младшим воином. Но чтобы в бою от меня – ни на шаг!

– Значит, можно взять отцовский лук? – с надеждой спросил я.

– Да, конечно, – кивнул брат, – теперь он твой.

После гибели отца его боевой лук висел на стене в нашей с братом комнате. Эльтер не пользовался им – у него был свой, сделанный по заказу великим мастером Лоогом, а я, как ученик, имел право лишь на малый лук. Теперь, поскольку я шел в поход как полноправный воин (хотя и младший по званию), мне разрешалось взять большой лук отца. Это немалая честь и в то же время огромная ответственность...

Конечно, я неплохой лучник и стреляю довольно метко, но никогда еще мне не доводилось пользоваться настоящим, большим боевым луком. Отец не позволял трогать свое оружие –

говорил, что нам с братом еще рано. И вот пора настала... Что же, надо пойти потренироваться, успеть до темноты...»

* * *

«Осторожно, двери закрываются...» – услышал я противный металлический голос и едва успел выскочить из вагона. Черт, опять чуть не проехал! Хорошо, что на сей раз никого не сбил – меня просто вынесло вместе со всеми на платформу и потащило в сторону эскалатора. На ходу я убрал книжку в сумку и привычно застегнул куртку – до конторы предстояло еще минут десять бежать по длинному, пустому проспекту. А он продувался всеми осенними ветрами...

Ну, кто так строит, думал я, придерживая слетающую кепку. Понатыкали огромных домов, а теперь между ними тяга, как в аэродинамической трубе – прямо с ног сбивает. Вот и приходится плотно запахивать одежду и держать обеими руками шапку – чтобы не унесло. Я наклонил голову и упрямо пошел против ветра – на свою любимую работу.

Глава четвертая

На работе я первым делом пошел в курилку – по старой, многолетней привычке. Еще в ранней юности я усвоил золотое правило: всякое большое дело нужно начинать с маленького перекура. С тех пор свято его соблюдаю.

Через минуту там же появился Славка и, как всегда, попросил закурить. Я уже хотел по обыкновению выдать свою коронную фразу про то, что свои надо иметь, но слова застряли у меня в горле – прямо под глазом у приятеля красовался здоровенный фиолетовый фингал.

– За что это тебя так? – участливо спросил я, протягивая пачку.

– А, – махнул рукой Славка, – за любовь.

– Значит, за бабу, – понял я. – И кто на сей раз?

– Ты хочешь знать, кто мне поставил фонарь или за кого я его получил? – уточнил Славка.

– То и другое, и можно без пива, – сдохмил я.

– Шутник, – мрачно констатировал Славка, затягиваясь.

– Ну и?

– Ответ на первый вопрос – не знаю, на второй – из-за Людочки.

– Ты же с ней вроде завязал? – удивился я.

– Как завязал, так и развязал, – огрызнулся Славик. – В общем, пошли мы с ней вчера в кафе. Ну, сам знаешь: чай-кофе-потанцуем... С прицелом на посидеть потом у меня дома с дальнейшей ночевкой. А что? Шефу она вроде уже по барабану, а у меня с Аллочкой пока тоже простой – она позавчера в отпуск укатила, на неделю. И что, прикажите мне бобылем целых семь дней куковать? Вот я и вспомнил про Людочку, тем более что у нас с ней один раз уже было...

– Ты же жаловался, что она в постели, как рыба? – напомнил я.

– На безрыбье и Людочка рыба, – отшутился Славка. – К тому же при хорошей подготовке всегда можно добавить огоньку... Короче, договорились мы, пошли в кафе. Ну, сначала все путем было – посидели, потрепались о том, о сем, выпили немного, потом я и предложил: «Давай ко мне!» А она что-то ломаться начала – типа, не могу да не хочется... Я ее прямо спрашиваю: «Не могу или не хочется?» А она в ответ: «Пал Палыч очень рассердится, если узнает, что мы с тобой снова начали...» – «Да ему все это глубоко фиолетово, – говорю ей, – он на тебя давно уже с прибором положил!» – «Нет, – отвечает, – у нас с ним временное охлаждение отношений, а вот в будущем...» – «Да не будет у тебя с ним никакого будущего, – отвечаю, – он же практически импотент!» – «Знаю, – кивает Людочка, – но зато он перспективный. А у тебя, Славик, ты уж извини меня за правду, хоть и все, что надо, стоит, и даже очень хорошо, но будущего никакого. Ни карьеры, ни денег у тебя никогда не будет, к тому же ты бабник страшный, это все знают. А я девушка серьезная, мне о семье думать надо... Так что прости, дорогой, но я лучше пойду». Представляешь? Выдала мне такое – она серьезная девушка, а я так себе, полное дерьмо! Да стерва она серьезная, а не девушка!

– Ага, и на елку влезть, и косточкой не подавиться... – вспомнил я русскую народную мудрость.

– Ну, что-то вроде этого, – согласился друг.

– А дальше что было? – поинтересовался я. – Фингал-то от кого получил?

– Понимаешь, – продолжил рассказ Славка, – обидно мне стало, даже очень – мало того, что продинамили, как юнца прыщавого (это в мои-то годы!), так еще и откровенным лохом назвали. Нормально, да? В общем, «не вынесла душа поэта», и выдал я все, что про нее и шефа думаю. Ну, Людочка вскочила, быстренько оделась и ушла. Как говорится, теперь у нас с ней все – развод и девичья фамилия! Я, конечно, еще в кафе посидел (деньги-то за заказ заплачены), взял с горя триста граммов и опрокинул в себя. А дальше было, как обычно – кто-

то что-то сказал, я сгоряча ответил, и понеслось. С кем дрался, кто и за что меня топтал – хоть убей, не помню. Хорошо, что без поломанной мебели и вызова милиции обошлось. А то точно бы за погром не расплатился... Кстати, одолжи мне штуку денег, в аванс отдам. Все бабки на эту дуру Людочку спустил...

Я вздохнул – придется расстаться с тысячей, товарища следует выручить. Тем более что у него такое горе... А потом вспомнил и о своей благоверной:

– Знаешь, у меня тоже новость – Ленуля в Египет укатила, и тоже на неделю.

– Да ну? – удивился Славка. – С чего бы вдруг?

– Горящие путевки подвернулись, вот и рванула с нашей соседкой, Ирккой. А меня на хозяйстве оставила.

– Значит, ты теперь свободный мужчина, – прищурился Славка. – Так-так, учтем-с...

– Нет, – начал отбиваться я, – никаких гулянок и баб. Ты же сам знаешь: у Ленули глаз – алмаз, да и нюх, как у собаки. Сразу почувствует, если я где-то с кем-то... А потом таких пипюлей выдаст – мама не горюй!

– Не бойсь! – хлопнул меня по плечу Славка. – Мужик ты, в конце концов, или нет? В общем, пойду позвоню кое-кому, провентилирую вопрос... А ты пока готовься – морально и материально.

Славка довольно хмыкнул, загасил сигарету и пошел на рабочее место. За ним потянулся и я. Вот так всегда: стоит только Ленуле куда-нибудь укатить, как Славка немедленно втягивает меня в какую-нибудь авантюру. И, что самое интересное, расхлебывать потом приходится в основном мне – с него все, как с гуся вода. С другой стороны, не мог же я отказаться – Славка у меня, считай, единственный друг...

Я добрался до стола и включил компьютер. Минут десять изучал последние новости – это намного удобнее и дешевле, чем покупать каждое утро газету. Во-первых, в метро утром все равно как следует не считаешь – зажимают так, что ни вздохнуть, ни охнуть, а во-вторых – экономия времени и денег.

После чего проверил почту – ничего хорошего, опять один спам. А затем решил заняться и работой – почувствовал, что готов к трудовому подвигу. Однако выяснилось, что делать практически нечего – свой проект я уже сдал, а новое задание пока не поступало. Что ж, очень хорошо, можно с чистой совестью побездельничать и почитать любимую книжку. Я достал том и открыл на заложенной странице...

* * *

«...И снова я бежал по лесу, но уже вместе с другими воинами. Наш отряд выступил сразу после заката и быстро двигался по направлению к ближайшей деревне людей.

Вел его храбрый Доор, а помогал ему мой брат Эльтер. Поэтому я и оказался почти во главе отряда: в качестве младшего воина я должен был сопровождать брата, а тот по старшинству бежал сразу после командира. Эльтер, конечно, предпочел бы видеть меня где-нибудь в арьергарде, но поделаться ничего не мог – порядок в походе строго определяется уставом, и нарушать его права никто не имеет.

Наконец показался овраг – граница наших исконных владений, дальше начиналась нейтральная территория. У самой опушки леса стояли уже первые людские посты, а за ними, через поле, располагалась деревня, одна из немногих уцелевших во время недавней войны.

Ее жители всегда соблюдали правила – не заходили в лес слишком далеко, не охотились и, главное, не рубили деревья. Мы в свою очередь не нападали на них – просто делали вид, что не замечаем. Собирали хворост в предлесье и грибы на опушке людям позволялось – это не считалось вторжением на нашу территорию. Но вот если бы они вздумали валить священные деревья или перебрались через овраг...

Нейтралитет между нами и людьми сохранялся почти десять лет, но теперь все изменилось, причем в худшую сторону. Три дня назад дозорные донесли, что в деревне появились гвардейцы князя Редрика, поэтому и было решено отправить на разведку небольшую группу во главе со Слааром. Задача поначалу казалась простой – тихо проникнуть в деревню и выяснить, что к чему. Поэтому, кстати, меня и включили в группу – решили, что особого риска не будет, а мне надо расти, учиться. К тому же я неплохо знал те места – бывал раньше в качестве дозорного.

Наша группа была маленькой – всего пять бойцов, включая самого Слаара. Нападения мы, честно говоря, не ждали – с людьми был мир, закрепленный Договором. Поэтому и шли, почти не таясь. Жители деревни привыкли к нашему появлению и не выказывали враждебности – даже собак не держали, чтобы нас не провоцировать...

...Напали на нашу группу сразу с трех сторон – по всем правилам классической засады. Солдат было не меньше трех десятков, плюс несколько здоровых, злобных псов. Слаар сразу сообразил, что дело плохо и, скорее всего, мы уже не вырвемся, а потому прикрыл меня своим телом и крикнул: «Беги, Альмир, передай Совету, что люди нарушили Договор!» А потом выхватил меч (для стрельбы из лука времени уже не осталось) и бросился в бой. За ним кинулись и все остальные эльфы – Леер, Рейн и Ноор. И закипела битва! Я никогда не видел, чтобы бойцы, прижавшись спина к спине, так искусно отражали натиск значительно превосходящего в силе и численности противника. Думаю, в той схватке полегло не менее десятка гвардейцев, и еще столько же было ранено.

Троих солдат я подстрелил лично – Слаар успел подтолкнуть меня к дереву, и я взобрался на верхние ветки. И уже оттуда стал посылать стрела за стрелой в подлых людишек. Но что мог сделать мой малый лук против настоящих боевых доспехов гвардейцев? С первых же минут боя стало ясно, что мы имеем дело не с какими-нибудь деревенскими олухами, решившими наказать «наглых эльфов», и даже не с дружинниками озерных баронов, а с прекрасно вооруженными бойцами самого князя Редрика.

О принадлежности к гвардии указывали и эмблемы на щитах, и знаки различия на доспехах. К тому же железные латы солдат были надежно защищены от эльфийского колдовства – а это могли сделать лишь колдуны, состоявшие на службе у самого Редрика. Да и мечи у них были из хорошей стали – не ломались при ударе о наши узкие клинки, хотя те были закалены в огне священного Храма. Такое людское оружие стоит очень дорого – его выковывают лишь гномы и берут за свою работу недешево, причем исключительно золотом.

Уж я-то точно знаю – мне пришлось долго упрашивать отца, чтобы купил мне боевой кинжал, сделанный в подземных кузнях. Отец все отказывался – не было денег, но на мой прошлогодний день рождения неожиданно расщедрился и преподнес желанный подарок. Просыпаюсь я утром, а у изголовья кровати лежит настоящий гномий кинжал, причем с меткой на лезвии – кто и когда его ковал. Это особый знак – гарантия того, что лезвие не сломается при встрече с гвардейским мечом и может проткнуть любые латы. К тому же по просьбе отца наш священник этот кинжал еще немного заколдовал – для пущей надежности. В общем, это было настоящее боевое оружие.

Теперь я с кинжалом никогда не расстаюсь, ношу с собой даже дома. Братья надо мной иногда подшучивают: «Кого ты боишься, Альмир? Может, опасаясь, что твоя подружка Нолли внезапно на тебя нападет и пронзит сердце? Не бойся, для этого у нее есть отличный лук, а стреляет она гораздо лучше любого молодого воина!» Я не обращал на эти глупости никакого внимания, пусть говорят! Зато кинжал придавал мне уверенности и служил напоминанием об отце...

...Я быстро потратил все стрелы и помчался прочь – надо как можно скорее добраться до Святилища и предупредить об опасности. Как закончилось то сражение, я не видел, но уверен, что наши братья отдали свои жизни задорого. Люди тут же погнались за мной, пустив

по следу самых свирепых псов, но я увернулся. Только один кобель долго не отставал и в конце концов догнал меня – в прыжке впился клыками в руку, но я выхватил кинжал и мгновенно перерезал ему горло. Вот и пригодился отцовский подарок, спас жизнь! Рана, к счастью, оказалась неопасной, и я остановил кровь самым простым заклинанием.

Хорошо, что я быстро бегаю, а то с остальными собаками пришлось бы повозиться гораздо дольше – сил уже оставалось мало. И еще мне повезло, что трусливые людишки побоялись сунуться за овраг. А за ним меня уже встречал брат Эльтер – он как будто чувствовал, что я могу оказаться в беде. Думал, что встретит разведчиков-людей (вот бы позабавился с ними!), а застал меня, удирающего от гвардейцев и злобных псов. И приготовился дать бой... Но командир гвардейцев проявил похвальное благоразумие и повернул свой отряд назад. А если бы сунулся – точно не досчитался бы половины воинов...

Дальше вы сами знаете – Эльтер довел меня до Святилища и вызвал Клаара, чтобы я мог лично рассказать о гибели группы. Глава клана тут же созвал семьи на совет, где и было принято решение отомстить людишкам...

...И вот мы бежим к опушке леса, чтобы показать подлым низкорожденным, кто настоящий хозяин этих земель. И пусть прольется кровь, пусть горят дома людей и рыдают их женичины! Смерть за смерть, как велит наш древний обычай...»

* * *

Звонок телефона вернул меня к реальности. Я поднял трубку:

– Каштанкин, тебя Пал Палыч вызывает, – оповестила Людочка недовольным голосом.

– Собакин, – привычно поправил я.

– Без разницы, – рявкнула секретарша и отключилась.

Понятно, сердится. Небось, крысится на Славку за вчерашнее, а на мне зло срывает: знает, что я с ним дружу. Ну, ладно, пойдем послушаем, что шеф скажет. Может, что-нибудь хорошее... Хотя это вряд ли.

На мое появление в приемной Людочка никак не отреагировала – продолжила яростно стучать по клавиатуре. Делала вид, что страшно занята, хотя и ежу было понятно, что просто выражает свое полное фи.

Я приоткрыл дверь кабинета и осторожно заглянул:

– Можно?

– Проходи, Собаков, – кивнул шеф.

– Собакин, – поправил я и присел на стул.

– Значит, так, Собакин, – начал Пал Палыч, – мы начинаем новый проект. Сразу скажу – дорогой и очень для нас важный. Заказчики приедут через час, тогда все сами и объяснят – что, когда и в каком виде. А пока мы должны решить, кто будет над этим трудиться. Ну, ты – это понятно, именно тебе и предстоит в конце концов доводить проект до ума, но кто разработает концепцию и сделает эскизы...

– Славка, – тут же предложил я.

– Никифоров? – скривился шеф, как от зубной боли. – А ты уверен, что он не напортачит? Сроки очень жесткие, вдруг запьет или опять по бабам ударится? Кто тогда отвечать будет?

Я промолчал – отвечать за Славку мне совсем не хотелось. Шеф походил по кабинету, как бы собираясь с мыслями.

– Гуськова и Малинина отпадают – тоже заняты, оторвать их не могу, – произнес он задумчиво, – важный заказ и не менее срочный. Кто тогда еще, кроме Славки, для подстраховки??

– Может быть, Верочка? – робко предложил я.

– Думаешь? – Пал Палыч резко остановился и повернулся ко мне всем корпусом. – А она потянет?

– Уже год как у нас работает, – неопределенно пожал я плечами, – и вроде бы неплохо справляется...

– Да, кажется, неплохо... – протянул неуверенно шеф.

– К тому же не пьет и по бабам не шастает, – выложил я самый главный аргумент.

Судя по всему, убедил, потому что Пал Палыч снова сел на свое место и решительным голосом произнес:

– Хорошо, Собакин, но только учти – назначаю Славку и Верочку под твою личную ответственность. Если что-то пойдет не так...

– Понял, понесу наказание по всей строгости революционного времени, – кивнул я. – Разрешите идти?

– Ступай, – махнул рукой шеф, – и передай Никифорову, что вы начинаете новый проект, пусть все остальное бросает и переключается. А заодно и Верочке сообщи – обрисуй ситуацию, растолкуй, что да к чему. Она еще молодая, не все понимает...

Я вышел из кабинета. В приемной Людочка продолжала терзать бедную клавиатуру, компьютер недовольно жужжал, но терпел. На меня секретарша даже не взглянула – ноль внимания, кило презрения. Ну и ладно, нам же лучше – не нужно улыбаться и расшаркиваться.

* * *

В отделе я в первую очередь подрулил к Верочке. Она, как всегда, тихой мышкой сидела у себя в углу.

– Верунь, ты сегодня свободна? – поинтересовался я.

– Да, а что? – с надеждой подняла она на меня свои прекрасные глаза.

– Понимаешь, шеф сказал, что мы начинаем новый проект: я за главного, ты и Славка – в моей группе. Надо бы собраться, все обсудить...

– Ну, ладно, – протянула разочарованно Верочка, – надо так надо.

– Вот и отлично!

Следующим на повестке дня значился Славка.

– Старик, дело есть, – взял я быка за рога.

– Сколько? – тут же оживился он.

– Что – сколько? – не понял я.

– Ну, баб сколько, – пояснил Славка, – две или больше? Видишь ли, я после вчерашнего немного не в форме, больше одной-двух не потяну...

– Да нет, – пояснил я, – тут настоящее дело – новый проект начинаем. Ты и Верочка – в моей группе.

– Запомни, Вася, – нравоучительно произнес Славка, – настоящих дел в этой жизни бывает всего два – бабы и водка, а все остальное – занятие. Хобби, так сказать, времяпрепровождение, забава, отдых, развлечение...

– Если мы этот проект не сдадим, – прервал я его словоблудие, – то у тебя не будет ни того, ни другого – в смысле, ни баб, ни водки. Шеф нас вышибет к чертовой матери, и где ты тогда возьмешь денег, чтобы любовниц по кабакам водить? Да и Аллочка от тебя тут же отвернется...

– У тебя займу, – не моргнув глазом, ответил Славка.

– А у меня они откуда появятся? – в свою очередь поинтересовался я.

– От Лени, – пояснил приятель, – пойдешь работать к ней в фирму, будешь сортиры богатеньким буратиным статуями да позолоченной лепниной украшать. Стиль «рашен десранс», так сказать...

И засмеялся, подлец. Весело ему, а мне при одной мысли о работе у Лёнули тошно делается.

– Слушай, Славка, давай серьезно, – предложил я, – через час шеф подгонит заказчиков, говорит, крутые мужики, поэтому надо быть в форме. Я все разужаю, а потом мы с тобой и Верочкой посидим, потихоньку перетрем. Обмозгуем, так сказать, прикинем, что да как...

– Три, – тут же выдал Славка.

– Что – три? – опять не понял я.

– Вась, ты сегодня с утра что-то тормозишь, – покачал Славка головой, – видимо, отсутствие Лёнули на тебе плохо сказывается. Три – это три пива, причем чешского, а иначе я в себя не приду и обмозговывать ничего не стану. А тем более обсуждать и перетирать.

– И кто их тебе купит?

– Ты, разумеется, – нагло заявил Славка, – ты же больше всех из нас заинтересован, чтобы сделать этот чертов заказ, разве не так? Сам же только что сказал – если облажаемся, вылетим отсюда, как миленькие. А тебе страсть как не хочется покидать годами насиженное место, верно ведь? Вот и дуй за пивом, раз ты самое заинтересованное лицо. Кстати, можешь включить его стоимость в мой долг...

Я скривился, но признал правоту Славки – без пива он действительно нескоро придет в себя и не сможет продуктивно работать. А мне надо было, чтобы он хорошо соображал – все гениальные идеи, как правило, исходят именно от него. Делать нечего, придется бежать за пивом...

– Да, возьми еще бутылку вина, – прибавил друг.

– Зачем? Тебе что, одного пива мало?

– Не мне, а Верочке.

– Не понял...

– Тупой ты сегодня Вась, ей-богу, – вздохнул Славка. – Останемся мы втроем после работы, откроем бутылочку, покумекаем... Ты же сам сказал – надо обсудить все, как следует. А как можно что-нибудь обсудить без вина? В нашей стране так не принято! Затем, глядишь, и у тебя что-нибудь да с кем-нибудь завяжется...

– С кем это, например? – удивился я.

– С Верочкой, болван! – рявкнул Славка. – Не видишь, что ли, какими глазами она на тебя смотрит.

– И какими же?

– Глазами влюбленной коровы, дебил! Не будь идиотом, бери, что само в руки плывет. Тем более что Лёнуля в отпуске, ты свободный мужчина, причем в самом расцвете сил...

– Нет, не могу, – покачал я головой, – я же женатый человек, к тому же очень Лёнулю люблю...

– Дурак ты, – беззлобно сказал Славка, – а не женатый человек. Вот как-то Станиславский говорит Немировичу-Данченко: «А поедем-ка, брат, к проституткам!» Тот возмутился: «Ты что, я же женатый человек!» – «Ну и что? – парирует Станиславский. – Ты же обедаешь иногда в ресторане, хотя дома тебе каждый день обед готовят?»

– Это что, байка? – поинтересовался я.

– Ага, анекдот, – кивнул Славка, – только очень в тему. Сам посуди: разве Лёнуля что-нибудь потеряет, если ты Верочку чуток удовлетворишь? Ее не убудет, а девушке приятно сделаешь. К тому же давно замечено – в коллективах, где присутствуют интимные связи между сотрудниками, производительность труда и творческий потенциал намного выше, чем там, где наличествуют лишь чисто служебные, профессиональные отношения...

– Точно? – не поверил я. – Никогда об этом не слышал.

– Факт, ученые доказали, – уверенно сказал Славка.

– А что ты сам ею не займешься? – решил я перевести стрелки.

– Не в моем вкусе, – тяжело вздохнул приятель, – ты же сам знаешь, на кого я западаю...

Да уж, я знал – Славкины симпатии всегда распространяются на исключительно красивых девушек. Если не топ-модели, то близко к тому. Поэтому у не слишком яркой Верочки в данном случае не было ни малейшего шанса.

Другое дело – секретарша Людочка. Вот у той – что фигурка, что ножки, что мордашка – все на уровне. По этим показателям, судя по всему, Пал Палыч ее и выбрал себе в секретарши. Уж точно – не по умственным способностям: Людочка по интеллекту едва превосходит уровень классической блондинки, хотя и пытается выглядеть не совсем полной дурой. Даже волосы перекрасила в темный цвет – вычитала в каком-то глянцевого женском журнале, что мужчины считают брюнеток чрезвычайно умными и сексапильными. Наивная!

Надо сказать, что вкусы на женщин у Пал Палыча и Славки полностью совпадают, поэтому шеф и крысится на моего друга, когда замечает его у себя в приемной. Особенно если Славка флиртует с Людочкой. Правильно, не лезь в чужой огород, не принимайся к чужой капусте. И хотя у нашего козла (пардон, шефа) не всегда хватает времени и сил на Людочку, но свою собственность (капусту) он охраняет весьма бдительно. Однако и Славка парень не промах – успел-таки полакомиться вкусными, сочными, свежими листиками, когда шефа не было. Правда, всего лишь один раз...

Случилось это, когда Пал Палыч укатил в очередную командировку, и Людочка на неделю осталась без присмотра. Вот Славка и подсуетился... Результат, правда, не слишком удовлетворил обоих: Славка не получил страстной любви, на что очень рассчитывал, а Людочка поняла, что мой друг никогда на ней не женится. Поэтому и расстались они тогда по-хорошему, тихо-мирно. А вот вчерашняя встреча, судя по всему, нужна была Людочке для того, чтобы расставить все точки над и. Мол, я девушка порядочная, уж замуж невтерпех, и с вами, сударь, у нас ничего не получится... Прошла любовь, завяли помидоры.

Вот только говорила она одно, а думала-то совсем другое. Рассчитывала, наверное, пробудить в Славке ревность, заставить его предпринять какие-нибудь активные действия. Зря она так: мой друг действительно закоренелый бабник и никогда на одной женщине не остановится, а от долгих отношений бежит, как черт от ладана. И тем более от брака. Одной лишь Аллочке удалось слегка приручить его – она уже три года удерживает Славку возле себя, но только потому, что редкая красавица и стерва. Точнее – редкой красоты и стервозности женщина, умеющая из кого угодно свить веревки.

Но о ней как-нибудь в другой раз, это отдельный разговор, требующий долгих и подробных пояснений. Людочка же совершила весьма распространенную среди женщин ошибку – противопоставила одного своего любовника другому, причем в глаза. Понятно, что Славка обиделся. И не потому, что ему пришлось делить Людочку с Пал Палычем (вот уж к кому ревновать – полная глупость!), а из-за того, что Людочка подчеркнула (пусть и даже случайно) его несостоятельность как самца, добытчика, воина.

Этого настоящие мачо никогда не прощают. Даже самый занюханный мужичок хочет выглядеть в глазах своей женщины по крайней мере могучим охотником на мамонта. А тут такое заявление: «У тебя, мол, никаких перспектив...» В переводе с женского – полный ты отстой и неудачник, не способный принести в пещеру даже захудалого зайца. Вот и выдал Славка Людочке все, что думает про нее и Пал Палыча. Чем закончилось это объяснение – вы уже знаете.

Так вот, о Верочке. Я, честно говоря, до этого не обращал на нее внимания – так, ничего особенно, работает себе и работает. Вроде исполнительная, в меру способная, ну и слава богу. И точно никогда не думал о ней в сексуальном плане. Хотя ее откровенные взгляды на себе иногда ловил...

Конечно, Верочка, прямо скажем, не фонтан, не королева красоты, но, может быть, стоит все же попробовать, а? Разумеется, исключительно с целью повышения производительности

труда и творческого потенциала нашего маленького, но сплоченного коллектива. Как говорится, только бизнес, ничего личного. К тому же, по русской пословице, в тихом омуте черти водятся... Проверить, что ли? Попытка, как говорится, не пытка.

Ну, а пока оставалось еще немного времени, и я решил почитать. Так, где мы там остановились...

Глава пятая

«Лес неожиданно расступился, и мы оказались на опушке. Дальше начиналось поле, а за ним была уже деревня людей.

– Ну как, Альмир, не страшно? – тихо спросил Эльтер. – Хочешь, я пойду с тобой?

Я отрицательно покачал головой – это мое задание. Клаар поручил пробраться в селение и выяснить, нет ли там солдат князя Редрика. Вот я и пошел в разведку.

На опушке – там, где прошлым утром гвардейцы устроили засаду, – пикетов не было: судя по всему, солдаты отошли к крепости, под прикрытием высоких стен. Правильно – погибать от длинной эльфийской стрелы никому не хочется. Гвардейцам хоть и платят немало, но деньги мертвому ни к чему. Однако для верности требовалось уточнить, не остались ли княжеские дозорные в деревне. Клаар поручил это мне.

– Альмир, ты уже бывал в той деревне? – просил он.

– Да, – кивнул я.

– Хорошо, тогда слушай: мы не знаем, что задумали люди, но в любом случае надо действовать очень осторожно. Поэтому ты пойдешь на разведку и все узнаешь. Ни во что не вмешивайся, никаких самостоятельных действий не предпринимай – просто посмотри и сразу назад. Я думаю, что гвардейцы (если они не последние идиоты, конечно) еще вчера покинули деревню и отошли к замку, но все же... Если они имели глупость остаться, то мы скоро отмстим за наших братьев. Однако, полагаю, никого, кроме жителей, там уже нет. Ты ведь не боишься крестьян, верно?

Я снова кивнул.

– Вот и хорошо. Будь внимателен и осторожен, ладно?

Клаар на прощанье пожал мне руку, и я вышел в предзакатный туман, покрывающий поле. Заблудиться я не боялся: эти места были мне хорошо знакомы, и я смог бы добраться до деревни даже с закрытыми глазами.

...Прошлым летом я с младшим братом Ольгером проходил подготовку как раз в этих местах. Наставлял нас мудрый Гадар – учил, как правильно вести наблюдение за людьми, как прятаться от собак, что делать, если тебя все же обнаружили...

В качестве практики мы занимались разведкой. Надо было запомнить и подробно рассказать, кто из людей куда ходил, что делал и даже с кем говорил. В принципе, дело это было достаточно простое – крестьяне, как правило, заняты работой и по сторонам не глядят, а потому нас не видят. Кроме того, они говорят так громко, что слышно издали – особенно с нашими-то длинными ушами. Всего-то и требовалось – спрятаться, сидеть, смотреть, слушать. Четыре «с», как любил повторять мудрый Гадар. И еще одно «з» – запоминать.

Другое дело – дворовые псы. Вначале в деревне было много собак, и они доставляли нам немало хлопот. Их не обманешь – они чувствуют эльфов за версту и громким лаем привлекают внимание людей. От собак на крыше дома не укроешься и в кронах деревьев не спрячешься – везде обнаружат. Но потом наши старейшины и заключили с деревенскими договор – они не держат собак, а мы разрешаем им собирать хворост, грибы и ягоды на опушке леса. И даже рубить деревья для своих нужд, но только старые, больные и не более трех сотен в год. Люди согласились, и с тех пор проблем у нас с ними не было.

Так вот, за время обучения я хорошо изучил деревню и ее обитателей, мог о каждом многое рассказать. У нас, молодых эльфов, была популярна одна забава – пробраться потихоньку в дом и украсть какую-нибудь вещь, желательнее из кухонной утвари или одежды. Это считалось проявлением настоящего мастерства, храбрости и удали. А еще лучше – прихватить со двора курицу или индюшку на обед. В крайнем случае – десяток яиц из птичника.

Между прочим, один раз со мной произошел забавный случай. Я в паре с братом Ольгером, как обычно, вел разведку. Рано утром мы залезли на дом старосты и начали наблюдать за людьми. Лежать долгое время на черепице, покрывающей крышу, честно говоря, не совсем удобно, да и скучно – ничего интересного не происходит: так, обычная деревенская рутина. Женщины убираются в доме, готовят обед, мужчины работают в поле, дети играют во дворе или на улице... Так и хочется потянуться, размяться или выкинуть что-нибудь такое! Но нельзя – разведчик, как учил мудрый Гадар, должен быть невидимым и неслышимым.

Ладно, лежим мы, наблюдаем, и ведем обзор попеременно – то я, то Ольгер. А солнце припекает, ну, я и пригрелся чуток, задремал ненароком. Тем более что вышли мы на разведку рано утром, я не успел как следует выспаться. В общем, не знаю почему, но во сне я неожиданно поехал по крыше и свалился прямо во двор. Ольгер этого не видел: наблюдал, как деревенские парни играют в вышибалочку – местное развлечение. Брат немного увлекся и, конечно, обо всем забыл.

Я ударился о землю, мгновенно вскочил и выхватил кинжал. Сна, разумеется, уже ни в одном глазу не было. Вдруг слышу сзади – звонкий смех. Оборачиваюсь, а это девчонка деревенская заливается, надо мной смеется. Она как раз находилась во дворе – кормила кур, и я свалился точно к ее ногам. Молоденькая совсем, года на два младше меня, и, видимо, очень смешливая. Так и звенела, как колокольчик. Я смутился (надо же – так опозориться перед какой-то деревенской девчонкой!), подскочил к стене и в два прыжка взлетел на крышу.

Разумеется, позицию пришлось сразу же сменить. Брату я ничего не сказал, а он сделал вид, что ничего не видел. Молодец, настоящий товарищ! А ту девчонку, как ни странно, я хорошо запомнил: светлые, почти белые волосы, ладная фигурка и очень симпатичное (по людским меркам, конечно) личико.

И еще одна деталь: у нее на шее были крупные коралловые бусы. Мне это особенно запомнилось – такие украшения делают только в южных графствах. Как правило, их привозят купцы из дальних земель, и стоят они очень недешево. Вот я и подумал: как у простой деревенской девчонки (судя по одежде – служанки) могли оказаться подобные бусы? Ни одна баронесса не откажется от такого украшения, тем более что бусы были весьма искусно сделаны (это я тоже отметил). Даже княгиня Кларисса, жена князя Редрика, была бы рада получить их в подарок, да и самой герцогине Лолее преподнести такие кораллы не стыдно...

Все это я подумал уже позже, когда мы с братом возвращались в наше селение. Часто с тех пор, лежа в постели, я вспоминал ту девчонку. Конечно, сейчас она уже девушка, наверняка превратилась в настоящую красавицу и, возможно, даже вышла замуж за какого-нибудь деревенского парня. Скажем, за сына кузнеца или даже племянника старосты...

У меня, кстати, тоже есть невеста – прекрасная Нолли. Наши отцы сосватали нас, когда мы были еще совсем маленькими, и брачный союз благословил сам премудрый Сарель. Теперь мы ждем, когда наступит брачный возраст, чтобы официально стать мужем и женой.

Нолли – очень хорошая девушка, добрая, отзывчивая, веселая и храбрая. Она сопровождала меня и моих братьев во всех наших детских играх, даже училась наравне с нами боевому искусству. И, стоит отметить, весьма в этом преуспела – по крайней мере, стреляет из лука не хуже меня, а, может быть, даже лучше.

Поэтому, наверное, я с малых лет привык видеть в ней не будущую жену, а друга, товарища по играм. Это несколько мешает нашим отношениям – я, честно говоря, испытываю к Нолли чисто братские чувства. Нет ничего похожего на любовь – в том смысле, как об этом говорится в старинных балладах. Где, скажите на милость, бурная страсть, где горение души, бессонные ночи и поэтический пыл? Ничего подобного нет и в помине!

При виде Нолли я, конечно, радуюсь, но не более, чем при встрече со старым другом или родственником. Она, кажется, испытывает ко мне такие же чувства. Разумеется, мы не

можем нарушить договор, заключенный нашими отцами, и, когда придет пора, глава клана Клаар поведет нас в Святилище, где премудрый Сарель, наш верховный жрец, произнесет слова древнего заклинания и навечно соединит нас нерушимыми узами брака. И произойдет это меньше, чем через год...

Затем, согласно обычаям, родственники и друзья построят для нас дом, чтобы мы могли жить отдельной семьей, рожать и воспитывать детей. Нолли, кстати, как-то обмолвилась, что хочет иметь не меньше пяти-шести эльфят...

Мы с ней подробно не обсуждали наши будущие семейные отношения, но Нолли, кажется, не возражает, чтобы мы стали настоящими мужем и женой. Мне же, честно говоря, это кажется несколько... Как бы это сказать? В общем, несколько неправильно, что ли...

Сколько раз я слышал, как наши звонкоголосые барды воспевают в своих балладах высокие чувства, ради которых не жаль и саму жизнь отдать, а тут... У нас с Нолли все происходит слишком просто и обыденно: отцы заключили договор (даже не спросив нашего согласия), и в условленное время Клаар приведет нас в Святилище – почти как овец на бойню. И придется клясться в любви, которую я, честно говоря, совсем не испытываю. По крайней мере, такую, о которой поется в старинных песнях.

Впрочем, стоит признать, что мне еще крупно повезло – Нолли действительно красивая и умная. А поэтому многие в клане мне завидуют... Думаю, среди моих товарищей найдется немало желающих поменяться со мной местами. Вот только проблема в том, что разорвать наш союз уже нельзя – это могли бы сделать наши отцы (и то при наличии веских причин), но они, к сожалению, оба уже мертвы: отец Нолли погиб, когда ей было всего пять лет, а мой – год назад.

Конечно, верховный священник, премудрый Сарель, имеет право отменить брачное соглашение, но он на это никогда не пойдет. Во-первых, разрыв явится неслыханным нарушением древних обычаев, а во-вторых, самое главное, Нолли – его родная внучка, и он хочет для нее только добра. А с его точки зрения, настоящее добро для молодой эльфийки – выйти замуж за достойного эльфа и произвести на свет как можно больше хороших, умных эльфят.

И я на роль мужа, по мнению Сареля, подхожу просто идеально – из древней, уважаемой семьи, имею влиятельных родственников в Совете старейшин (отважный Ноир, кстати, мой двоюродный дядя), молод, здоров, неплохо обучен, прилично воспитан. Что еще нужно для заключения брака и появления на свет потомства? Так что надеяться на помощь Сареля (да и всех членов клана) не приходится. Поэтому я никому и не рассказываю о своих мыслях – во избежание осуждения.

Меня понимает одна лишь мать, почтенная Таона. Недавно, когда мы были с ней дома вдвоем, она тихо прошептала: «Сынок, не все наши законы хорошие, но все они по-своему мудрые. В том числе и древний обычай заключать браки по договору. И твой отец, и отец Нолли не раз все обсудили, прежде чем ударить по рукам. Поверь – это хороший брак для наших семей. Недаром его благословил премудрый Сарель, а он ни за что не отдал бы свою любимую внучку за недостойного жениха. Так что смиришься и радуйся, что тебе достанется такая замечательная эльфийка. Да и мне, честно говоря, Нолли очень нравится, я давно уже рассматриваю ее как свою невестку».

– А как же любовь? – задал я давно волновавший меня вопрос. – Неужели ее нет, и все баллады про настоящее, всепоглощающее чувство – просто обман?

– Любовь... – вздохнула мать. – Конечно, она есть, и, возможно, сынок, ты когда-нибудь ее встретишь. Но запомни: личные чувства и брачный договор – очень разные вещи. Часто нам приходится жертвовать первым ради второго.

– А ты? – спросил я. – Тебе пришлось пожертвовать любовью?

– Да, – еле слышно прошептала мать. – Ты уже большой, Альмир, и я могу сказать: я любила другого эльфа, не твоего отца. Но моя семья решила, что моим мужем должен стать Тирель, и я, разумеется, покорилась. И, как видишь, не прогадала: наш брак оказался очень удачным – мы прожили с твоим отцом в любви и согласии почти двадцать лет, вырастили вас, наших троих сыновей. О чем еще могу я мечтать? Мне грех жаловаться на судьбу.

– А как же тот, кого ты любила?

– Клуур тоже смирился. Мы любили друг друга, но не осмелились пойти против воли наших отцов и старейшин клана. Стать изгоями – слишком суровое испытание, не каждый его вынесет... А через год после того, как мы с Тирелем поженились, Клуур ушел в дальний, опасный поход – шла война с гномами, и наш клан принимал в ней участие. Он не вернулся. Видимо, такова была наша судьба...

Мать замолкла и долго смотрела в окно. Я не стал ее ни о чем больше расспрашивать».

* * *

Господи, как болит голова! Я с трудом оторвался от подушки и сел на кровати. Ужасно хотелось пить. Так, где-то здесь у меня была припасена бутылочка минералки...

Я всегда ставлю на тумбочку возле кровати воду – как раз на тот случай, если проснешься и захочется пить. Идти на кухню неохота, а тут протянул руку – и все. Надо бы нащупать бутылку... Черт, ничего не видно (правильно, ночь на дворе, подсказал мне внутренний голос), придется все-таки включить ночник.

Я нашарил выключатель и нажал на кнопку. При слабом свете ночника осмотрел тумбочку – на ней ничего не было. Значит, придется ползти на кухню – в холодильнике должен быть запас минералки. Кстати, хорошо бы еще проглотить пару таблеток от головы, а то затылок просто раскалывается.

Я стал нашаривать тапочки. Вечно они куда-то убегают под кровать... Наконец я их нашел, надел и попытался подняться. Только бы жену не разбудить...

На кровати тихо посапывала Ленуля. Ленуля? Она же вроде как вчера уехала в Египет... Я повернул голову (далось это не без труда) – и вместо дорогой супруги увидел Верочку. Она спала, повернувшись ко мне спиной.

...Черт, черт, черт! Только этого не хватало. Мало того, что вчера нажрался, как свинья, так еще и притащил Верочку домой. Все, теперь мне точно конец. Ленуля как узнает, так таких пипюлей навешает, что... Я даже зажмурился от страха, представив будущие семейные разборки.

Ладно, будем, как говорится, решать проблемы по мере их поступления. Итак, первое – вода и таблетки от головы, второе – Верочка, третье – Ленуля.

Начнем по порядку. Я с трудом поднялся и, слегка пошатываясь (надо меньше пить!), поплелся на кухню. О, счастье – в холодильнике действительно оказалась бутылка минералки. Опорожнив ее наполовину и приняв две таблетки от головы, я начал вспоминать, что же вчера было и почему Верочка оказалась у меня дома. Да еще в супружеской постели...

...Вроде бы вначале все шло строго по плану. Шеф вызвал меня в кабинет, где уже сидели двое солидных товарищей. Как выяснилось, представители фирмы, занимающейся производством туалетной бумаги. Они выразили желание, чтобы мы придумали для них несколько оригинальных, запоминающихся и, главное, приличных рекламных плакатов.

Их гендиректор решил завалить наш славный город продукцией своего комбината, для чего требовалось организовать широкую пиар-кампанию по ее продвижению. Конкуренция-то большая... Причем нужно было сделать так, чтобы реклама не вызвала отторжения и неприятия у покупателей и, главное, недовольства местных властей. Далеко не каждому придется по вкусу, что повсюду висят плакаты с какой-то туалетной бумагой, пусть даже наивысшего

качества (как уверяли представители). И тем более может не понравиться, если бумага будет некорректно прорекламирована...

Надо было так изловчиться, чтобы и внимание покупателей привлечь, и тонкий вкус отдельных граждан не задеть. А то всегда находятся типчики, которые в штыки принимают любую смелую, оригинальную рекламу и тут же начинают сигнализировать властям – неприлично, мол, оскорбляет нашу нравственность! Власти же обязаны реагировать на народные жалобы.

И приключается тогда целая канитель: приходится давать объяснения, по двадцать раз доказывать, что ты имел в виду только самое хорошее и что у тебя и в мыслях не было оскорбить чувства уважаемых граждан...

В общем, возни бывает много, и это отнимает много времени и сил. Вот и приходится творить с оглядкой – как бы чего не вышло. А то в прошлом году был случай, о котором мы до сих пор вспоминаем с содроганием и ужасом.

Делали мы тогда макет для неких леденцов. Придумали отличный плакат – красивая девушка очень эротично сосет конфету на длинной палочке. Прелесть, а не картинка, высший сорт!

Так наши идиоты-креативщики присобачили к нему такой слоган: «Бери в рот не думая!» Представляете, какой разразился скандал? Досталось нам тогда по первое число – и от возмущенных ветеранов Куликовской битвы, и от заслуженных пенсионеров союзного значения, и просто от местных блюстителей морали и нравственности.

И бессмысленно было говорить, что мы имели в виду именно конфетку (изображение которой, кстати, видно ясно и отчетливо), а не что-то иное. Визг стоял страшный. Снимите! Немедленно! Позор! Уроды! Извращенцы! Педофилы! Куда только смотрит милиция? Чему вы учите нашу молодежь?

Еле-еле отбились. Но плакаты, разумеется, пришлось снять, и наша контора потеряла на этом кучу денег. Пал Палыч целый месяц ходил зеленый от злости, ни с кем не разговаривал, а только шипел. Болванов-креативщиков, конечно, тут же уволили, но что толку – награда нашла своего героя. Наш отдел еще долго склоняли и приводили в качестве примера безответственного отношения к работе.

Так вот, на сей раз предстояло не менее тонкое и сложное дело. Ладно, поговорил я с представителями фирмы, выяснил все вопросы и пошел в отдел – советоваться с коллективом, то бишь со Славкой и Верочкой. Славка уже пришел в себя (три бутылки чешского пива подействовали весьма благотворно) и тут же стал фонтанировать разными идеями. Но мне они показались не слишком реальными в плане воплощения. А то и вовсе фантастическими. Верочка же скромно молчала.

Наконец Славка иссяк и обратился к девушке: «Верунь, а у тебя есть какие-нибудь мысли?» Та немного засмушалась, но ответила:

– А что, если снять на фоне этой туалетной бумаги милую, белую кошечку и подписать: «Она белее белого»? Кошек все любят...

Я мысленно представил себе картинку и подумал: а что, действительно, может получиться. И очень неплохо.

– Молодец! – похвалил я Верочку, – сгодится как один из вариантов, но давайте приготовим и другие – заказчик любит, чтобы было из чего выбирать.

Верочка покраснела и скромно потупила глазки. Славка немедленно предложил:

– Хорошо, но попозже. Давайте, когда все разойдутся, сядем втроем и хорошенько все обмозгуем. Может быть, что-нибудь и придумаем. Мешать нам уже никто не будет, спокойно пообщаемся, покумекаем...

Ладно, решили сделать так. И вот, когда рабочий день закончился и все ушли, мы собрались, сели и стали думать. Через некоторое время Славка говорит:

– Вась, у тебя, кажется, была припасена бутылочка белого вина? Давай откроем – думать-то легче будет...

Я, в принципе, не возражал – алкоголь в небольших дозах действительно способствует творческому процессу. Проблема только в том, чтобы правильно эту самую дозу рассчитать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.